

**АЛЕКСЕЙ
ШЕРСТОБИТОВ**

ШКУРА ДЬЯВОЛА

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА «ЛИКВИДАТОР»

Алексей Львович Шерстобитов

Шкура дьявола

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21519420

*Шкура дьявола. Второе издание. / Шерстобитов Алексей [Леша Солдат]: Книжсковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»; Москва; 2020
ISBN 978-5-6043989-5-1*

Аннотация

Второе издание культовой книги легенды преступного мира 90-х Алексея Шерстобитова по прозвищу Леша Солдат это не продолжение скандального автобиографического бестселлера «Ликвидатор». Скорее наоборот!

Этот роман попытка проанализировать принятые решения и действия героев, имеющих прототипами настоящих людей, в разное время встреченных автором. В основном все ситуации началом своим обязаны когда-то случившемуся и попавшему в материалы уголовных дел, к которым Алексей Шерстобитов имел прямое отношение. В виде же продолжения – возможные развития событий, не нашедшие в прошлом своего воплощения.

Книга «третья», которая могла стать «первой», сделал автор в самом начале своего криминального прошлого другой выбор. Но... Как известно серьезная и быстрая необходимость принятия жизненноопределяющего решения, впрочем, как и история, не терпит сослагательного наклонения. И всё же...

Зла нет – мы сами творим его, часто полагая его справедливым, необходимым или просто принимая за добро, чем и мостим себе дорогу в ад.

Содержание

Предисловие автора	5
Глава первая	11
Так и было	11
Ия	29
Родственники	51
В пропавшем сне и смерть резвится...	67
Глава вторая	84
Свадьба, крещение, венчание	85
Хлопоты	106
Свобода – ответственность	122
Выстрел	127
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Алексей Шерстобитов

Шкура дьявола

*Посвящаю моим, уже выросшим детям,
которым я так и не стал отцом...*

Предисловие автора

*Начал 28 февраля 2012 года, на второй день
великого поста*

«ШКУРА» – с ударением на последний слог. На лагерном сленге (и не только) означает оболочку личины, в которую загоняют человека обстоятельства, как правило, создаваемые другими людьми. Но и сам он обязательно имеет к этому отношение, приготавливая своими принятыми решениями условия для строительства ловушки, в конце концов, предназначенной ему же.

Редко случается, что и сам субъект, ради выгоды или достижения цели, иного пути к которой не видит, примеряет ее на себя, совершенно не понимая, что освободиться от нее не от него уже зависит!

«Шкура» – не естественное состояние нормального человека, ежедневное нахождение в ней мучительно, поскольку в большинстве случаев не совпадает ни с мировоззрением,

ни с чертами характера, ни с желанием. Очень мощная, преимущественно насильственная, чужая мотивация не позволяет несчастному освободиться от ее ига.

Нахождение в «шкуре» всегда сопряжено с понятием «безисход», ей могут наказывать и изолировать, её возможностью вынуждают и шантажируют. Все тоже существует и на свободе, с той лишь разницей, что в лагерях этого боятся и избегают, а на воле лишь изредка имеют понятия о существующей опасности...

Этот роман попытка проанализировать принятые решения и действия героев, имеющих прототипами настоящих людей, в разное время встреченных мною. В основном все ситуации началом своим обязаны когда-то случившемуся и попавшему в материалы уголовных дел, к которым Ваш почтенный слуга имел прямое отношение. В виде же продолжения – возможные развития событий, не нашедшие в прошлом своего воплощения.

Почти каждое событие, хоть и опирается на действительно пережитое, но развитием своим обязано игре моего воображения. Характеры героев настоящие, мне оставалось лишь описать их, как это виделось когда-то, вставив каждого на соответствующее место в своей гипотетической автобиографии.

Я позволил себе вкрасить в судьбу каждого новые факты, заменив на них настоящие и известные, предположив их возможное поведение, реакцию, поступки в новом редакции.

По новому, развивающиеся судьбы, пронизаны тайными отношениями и причинно-следственными связями, о которых не принято говорить открыто, а обсуждать безопасно возможно лишь в желтой прессе или наедине с собой. Внимательный и дотошный читатель пытаясь найти рациональное зерно и истину, проходя по дороге, ведущей к ним, все равно собьется, поскольку всем не владеет никто, а значит, кроме Проведения Господа Бога никто не в состоянии понять его замысла.

На этот труд меня натолкнул, в свое время, вопрос одного журналиста: «Чтобы Вы хотели поменять в своей жизни?», на который я ответил: «Ничего!». Надеюсь прочитав до конца «Шкуру дьявола» ответ будет понятен каждому: можно сожалеть, но нельзя поменять. У каждого, когда живущего, свой крест, на который Господь дарует силы, именно он самый легкий и единственно возможный. Это не физическое и не материальное понятие, но то духовное, пронизанное совестью, помогающее видеть наши вины, понимая и принимая с благодарностью ответственность и наказание за них, то, благодаря чему каждый может разглядеть свое настоящее внутреннее и единственно возможное, в виде пути, грядущее, искупающее содеянное, где каждый может выступить примером..., примером того, чем его выставит перед другими Провидение.

Каждый из нас в этих примерах, по началу, разглядит только ему близкое и нужное, но лишь появление ощущения

тяжести своего креста, проявит прозорливость знаков, расставленных Господом, с одной целью – покаяние... У каждого к нему свое восхождение, у каждого на этом пути своя брань, жестокая и часто неизвестная, поскольку самый опасный и незаметный враг для человека – он сам! Брань с самим собой, где в союзники, причем часто по незнанию и гордыни, мы берем «князя мира сего», думая что он и есть свет, когда он только отсутствие его.

Зла нет – мы сами творим его, часто полагая его справедливым, необходимым или просто принимая за добро, чем и мостим себе дорогу в ад.

Многие герои покажутся Вам знакомыми из «Ликвидаторов», некоторые со своими именами, иные носят придуманные, я не стал менять свое, чтобы проще было сравнивать настоящее произошедшее и возможное воображаемое.

Здесь остаются живыми погибшие, и упокоиваются, избежавшие этого, сбывается когда-то запланированное, но сбывшееся, и избегается произошедшее. Здесь воплотившиеся страхи и опасения, перевесившие в свое время чашу весов в одну из сторон, во время принятия непростых решений, и обманутые надежды, которые и в настоящем постигло похожее, но несколько позднее.

Мысли, принадлежащие героям и описываемые подробно, не всегда вымысел или предположения, но часто раскрытые и дополненные выжимки из частных признаний, сделанные во время множественных бесед, допросов, откровений

и личных наблюдений. Читатель поймет это и сможет проверяя, сопоставить с фактами из жизни некоторых фигурантов описываемых событий, достаточно подробно освещенных прессой и телевидением.

Не в виде рекламы, но интереса и полного понимания ради, направлю Вас прежде на прочтение уже изданных «Ликвидаторов», лишь тогда сможет охватить читатель полностью картину переживаемого и прожитого и автором, и теми, с кем пересекается его стезя. Только тогда раскроется написанное между строк в романе и станут понятны многие аналитические выкладки, причины, связи, и та внутренняя борьба, остающаяся часто не понятной и не заметной для самого человека, здесь же происходящая при страшных событиях, находящихся за гранью не только морали, но и понимания, для человека никогда не видевшего пустые глазницы смерти и не чувствующего её сковывающего дыхания.

Страх – то, что нами движет, но для кого-то основой физической, истекающий из разума, а для кого-то Божий, лишь иногда посещающий нас из подсознания. Не важно, верующий читатель или атеист, разницу понимает и ощущает каждый. Сюжет Вас захватит и переполнит адреналином, но главное то, что останется в душе при закрытии задней обложки книги. Запомните эти мысли и эти ощущения, они помогут Вам разглядеть себя и взглянуть на мир совсем другими глазами. Я искренне надеюсь, что труд этот был проделан не зря, как и дарованная мне вторая жизнь.

С уважением А.Шерстобитов

Глава первая

Настоящее

Так и было

«Если свет, который в тебе – тьма, то какова же тьма?»

(Евангелие от Матвея 6.11)

Солнце... В чем то урезанный человек, постепенно начинает замечать многое из того, что ранее было вне его внимания. Особенно это касается желаний, даже если прежде они не имели ничего общего с излишествами. Что уже говорить о тех, жизнь которых проходит в повседневном скольжении по «лезвии ножа», в балансировке меж жизнью и смертью! Именно их и поражает случайно замеченные красота безграничного неба; шелест осенних, уже опавших и соткавших своим разноцветьем ковер, листьев; с умилением подсмотренные отношения между матерью и ребенком; цоканье дождевых капель, а лучше капель таящего льда, умирающего в радужном семицветье; колкость морозябкого зимнего чистого воздуха на вздох и суетливо щебечущих разномастных пернатых.

Я замечал, что все это. Подобное прекрасное начинается от-

крываться твоему взгляду чаще тогда, когда приходит осознание временности твоего существования, и тем более, когда эта временность может оборваться вот – вот... Нет, не напиться перед смертью, не надышаться перед удушьем и не насмотреться на любимого человека, лежащего перед погребением во гробе – последней лодке, переправляющей нас на тот берег либо забвения, либо вечной жизни. Но и это последнее «прости» может быть и не будет даровано пытающемуся пройти по долине смерти, с надеждой преодолеть, достигнуть пределов и остаться невредимым – ибо его «лодка» может оказаться целлофановым пакетом, бочкой с цементом или спортивной сумкой, принявшей его в состоянии «конструктора», то есть расчлененного, обескровленного, захороненного без всяких почестей, тризны, слез родных и близких, в безвестном лесу, озере, а то и во все, помойке...

...Солнце... Оно пекло, по-весеннему проникая насквозь, долгожданно, милостиво наслаждая своим теплом, прогревающим не столько тело, сколько саму душу.

Ленинградская, правда мы, курсантики военного училища, предпочитали говорить – Питерская, морозная зябкость, длаящаяся в северной столице непомерно долго, закончилась и сменилась каким-то неопишуемым блаженством, которое мы, совсем юные, старались впитать, пользуясь любой минутой. Особое наслаждение вместе с лучами и скользящими теплыми солнечными зайчиками по оголенной, не прикрытой военной формой, коже, доставляла долгожданная папи-

роса, раскуриваемая обычно между нами, двумя друзьями, попеременно. Если же оставляешь, то выкурив свою половину, отрываешь кусочек обслюнявленного бумажного мундштука, причем каждый делал это по своему, и с какой-то присущей, только ему одному, бравадой, протягиваешь товарищу, что для остальных служит явным намеком – курим вдвоем.

Вообще, у всех курильщиков, а у военных в частности, курение целый ритуал, порой запутанный, но всегда кажущийся красивым самому владельцу. Поэтому бросая эту пагубную привычку приходится расставаться и с этим, неотъемлемым и ставшим дорогим, навыком.

Мне, и как я заметил, многим другим, было не безразлично, к примеру, где лежали папиросы и спички, и если была, то зажигалка – предмет особой гордости и редкость в то время. Имело своё значение и то, как ты или тебе дают прикуривать, скажем зажигают спичку сами и прикрывают от ветра или предоставляют это делать тебе, а то и просто протягивают коробок.

Иногда на учениях всплывала старая традиция – прикуривать по очереди не больше двух, и не успевший прикурить третий никогда не обижался. Зажигалась новая спичка, обязательно в другом месте, и все повторялось заново. Правило это, в мирное время, не всеми понималось и не всегда поддерживалось, толи из экономии, толи из-за откладывающейся долгожданной затяжки – этот нюанс был эхом той про-

шедшей войны, да и идущей ныне тоже, когда снайперы играли свою важную роль, и ночной ориентир, в виде зажженной спички, да еще долго горящей, мог стать смертельным подарком...

...Раскурив «Беломорину» и угостив кого-то, Толик – мой училищный товарищ, протянул папиросу со сложенным по особенному бумажным фильтром, уже коротко откушенным. Ах, обреченная на фильтрованные сигареты современность, знала бы, чем ограничила себя, отказавшись от «Беломорканала», «Казбека» или «Герцеговины Флор».

Сделав первую мощную и самую приятную затяжку, я подставил лицо солнечному диску и зажмурил глаза. Тоненькой струйкой выпускаемый дым, казалось никогда не закончится и я выдул остатки его с силой через нос. Открыв один глаз на клацанье Толика языком о небо, посмотрел в сторону указываемую им кивком головы и увидел, машущего нам рукой от самого подъезда штаба, заместителя командира взвода Дмитриева. Не слышно было что он кричал, а потому подумав: нужно будет пришлет кого-нибудь, продолжил наслаждаться, даже не пошевелившись.

Через минуту-другую прозвучала команда к построению – по учебному плану предполагались строевые занятия. Изначально невзлюбив их, сегодня я изменил к ним отношение – они мне даже нравились своими отточенностью движений, сплоченностью в строю, чувством локтя и какой-то музыкальностью, а точнее мелодичностью. Причем у каждо-

го взвода, да что там, у каждого отделения, прослушивался хоть чуть, но все же отличный от других акцент прусского шага.

Кстати, кажущаяся парадоксальность того, что половину своей истории воюя с Пруссией или позже с Германией, российская армия для сплочения своего строя принимает именно «пруссский шаг», причем начиная чуть ли не с первых императоров российских – вовсе не прихоть, а необходимость.

Послышались уже первые чеканные пружинящие удары об асфальт плаца под счет голоса «Баха», не подумайте что Иоганна, но нашего командира отделения, как все резко оборвалось приказанием подходящего «особиста»¹ – их не любили, и даже несколько опасались. Разговоры с ними ничего хорошего не сулили, а вот последствия всегда могли быть кардинальными по своим переменам, причем не в лучшую сторону.

«Бах» выслушав офицера, приложил ладонь к головному убору в воинском приветствии, лихо развернулся, и раскачиваясь в задумчивости всем телом, направился в нашу сторону. Глядя вопросительно на нас с Толяном, он произнес не сразу понятую фразу, из которой явствовало безапелляционное приказание следовать обоим в особый отдел, и что совсем напрягало, по очереди, с разницей в пятнадцать минут, причем Толик первый.

Мы были друзьями – «не разлей вода» уже почти четыре

¹ Офицер из особого отдела

года, конечно и чудили иногда, и в «самоволки» ходили, и «горькую» попивали и девчонками увлекались, в общем все как у всех, и скорее были закономерностью, чем исключением – Питер все таки! Девушки красивые, от их соблазнительности и привлекательности и город то весной светиться по ночам начинает, а дело молодое. На наш взгляд, мы ничем особенно не отличались от других, может только характерами и некоторыми увлечениями. Но... Но это только, как оказалось, на наш взгляд.

По всей видимости иное представление сложилось у тех, кто искал, находил, а далее «селекционировал», поособому взращивая, лелея и применяя по необходимости человеческий материал...

Договариваться заранее с другом было не о чем, предмет предстоящего разговора был не известен, да и видимых причин к нему не было. Это потом, уже на выпускном вечере Толик вкратце расскажет, что весь разговор состоял из странных вопросов, ничего не значащих, и касающихся больше наших с ним отношений и каких-то моих черт характера или даже скорее моих привычек, предпочтений, в особенности слабостей. Да и интересовала этого майора какая-то ерунда: крепко ли я сплю, обидчив ли, легко ли возбуждаюсь и быстро ли успокаиваюсь, часто ли лгу, могу ли сказать правду в глаза, могу ли вовремя остановиться, на сколько быстро делаю выбор и принимаю серьезные решения, терпелив ли – этот вопрос был задан трижды, как реагирую на оскорбле-

ния, что важнее для меня долг или дружба, насколько долго размышляю прежде принятия решения, насколько резка и рациональна или иррациональна интеллектуальная реакция на происходящее, и еще разная белиберда, будто выбирал жениха для своей дочери, кстати, фото якобы ее тоже зачем то показал и поинтересовался – нравится ли?

У меня же эта беседа тоже вызвала много вопросов, оставив ощущения неоконченности и, какой-то недосказанности. Но все же кое что я понял: моя персона его заинтересовала, что зацепило лишь мою гордость, как понравившимся подарком для увеличения моего самомнения, о которой я вскоре забыл ровно до нашего разговора с Толиком, произошедшего при «принятия на грудь» на обмывании первых офицерских званий и начала нашего самостоятельного пути после выпуска из лона высшего военного училища...

... Спросив разрешения войти и доложив о своем прибытии, присел на предложенный стул, на самый краешек, снял головной убор и проводя кистью руки по волосам, приводя их в порядок, попытался хоть как-то присмотреться к офицеру, желая мельком, хотя бы по выражению глаз человека, который мною заинтересовался, понять его настроение, что не осталось незамеченным, мало того пошло в зачет со знаком «плюс».

Далее начался вроде бы ненавязчивый разговор, поражавший неконкретностью вопросов, который и позволил проявить мою индивидуальность и образ мышления:

– Чем заняты, Алексей Львович?... – Секунду поразмыслив, я произнес, на мой взгляд самое подходящее:

– Да вот Федором Михайловичем увлекся... – Федоров Михайловичей на Руси, да еще которыми можно увлечься не так много, и по всей видимости, слегка приподнявшиеся на секунду брови майора, говорили о имевшем место подобном же событии и в его жизни:

– Полезно или поучительно?

– Еще под впечатлением – не разобрался.

– И на каком томе остановились?

– Думаю до конца дочитаю все собрание сочинений. А так – «Неточка Незванова».

– Кажется из неоконченного?

– Так точно, товарищ майор... – На что офицер сделал движение рукой, дававшее понять, что общение без чинов – было б предложено! В виде согласия я положил шапку на стол, правда не теряя осанку человека «проглотившего лом» и находящегося в тонусе, что и было сразу подмечено:

– Это вы так напряжены или привычка?

– Скорее наоборот: пытаюсь избавиться от одной из них – очень сутулюсь.

Холодный взгляд в краешках глаз отметился запятыми и резко поймал мой, стрельнувший исподлобья. Удивительно – я ничего в нем не разглядел, но не эта особенность меня поразила: взгляд майора притягивал своим, как будто бы, отсутствием..., до того отсутствием, что даже не ощущалось

соревновательности в наших взглядах. Не было неудобно, хотя в общении со старшими, и не только по званию, но и по возрасту, я себе никогда не позволял смотреть долго в глаза.

Может водянистые глаза?... Да нет, вполне даже нормальные, чуть влажные – я смотрел и не мог понять причины их необычности, по всей видимости не первый попав под это влияние, и сидящий напротив хорошо умел им пользоваться. Он то хорошо что-то видел, и чем дольше наблюдал, тем больше понимал, вычлняя важное для себя и саму суть.

Поймав себя на мысли, что перешагнул границы взаимоважания перевел взгляд и извинился, продолжая думать над природой непонятности, и когда услышал ответ:

– Не вы первый, я привык... – Понял в чем дело.

Необычность была в том, что моему взгляду не за что было зацепиться на его лице и я смотрел фокусируясь, чуть глубже расстояния до его зрачков. Скорее всего это особенности форм глазниц, надбровных дуг, цветов глаз и ресниц, последние странного окраса, да-да именно окраса: из века они выходили темными, а к самому своему длинному концу, становились почти прозрачными. Наверное имели значения и остальные параметры головы, но это было уже не так интересно, а посему главный фактор – загадочность, перестал действовать и сменился пронизательностью, непредсказуемостью и все же необъяснимостью этого персонажа, так осторожно вклинивающегося в мою жизнь, о чем я пока не то что не думал, но даже и не догадывался.

Собеседник что-то высматривал в моем поведении и, казалось, пытался просчитывать последующие мои движения и фразы, но как бы ради поддержания разговора продолжал интересоваться:

– А парад на Дворцовой площади вам нравится?

– Пока сам не попробовал участвовать, муштра быстро надоела. Потом другое дело – нужно осознать результат. Правда, к сожалению весь восторг короток – именно в прохождении мимо трибуны, ощущаешь такое громадное единство чуть ли не со всем миром! Ну знаете, когда вся «коробка»² командует сама себе: «Раз! Два! Три!» – Вот тогда незабываемые чувства...

– Да, да, именно таким подъемом воодушевленные уходили в героическую вечность с парада на Красной площади в 1941... – Почувствовав ловушку, мне показалось верным вставить:

– Ну профессия определяет: либо гибнуть, либо убивать, причем не важно героически или нет... – Майор оживился:

– Что предпочтете при прочих равных?... – Подумалось, что влип! Хотя что я теряю, вспомнилась вчерашняя полит-

² На параде подразделение проходит строем в виде квадрата, обычно размером шестнадцать на шестнадцать военнослужащих по всем сторонам, где ведущий правофланговый самого высокого роста, соответственно самый низкий – в последнем ряду крайне правый. Для простоты и удобства такое построение на сленге мирного времени и носит названия «коробка». Со стороны слаженное подразделение в движении может произвести впечатление плавно ползущей, колышущейся в такт музыкальному маршу, единой живой коробки.

информация в клубе училища с последующим каким-то жутким документальным фильмом, после которого добрая половина нашего человечества нервно курила и единодушно готова была до последнего вздоха бить нелюдей – империалистов, хотя конкретно, кто это на экране, так сказано и не было, а значит автоматически распространялось на всех – кто не с нами в «Варшавском договоре», тот против нас! Что предпочту, что предпочту, что же я предпочту? Ну разумеется:

– Конечно побеждать, а как – время покажет, хотя полководцем, кажется, я вряд ли стану.

– Не скромный вопрос: почему до сих пор не в звании сержанта, у вас во взводе их половина... ии способностей более чем?

– Да другим это больше нужно... А потом я пришел сюда, что бы стать офицером и тем самым продолжить семейную традицию... Отец говорил, что уже четвертая сотня лет ей пошла... А лычки..., к власти я не стремлюсь..., ну а назначат – «Будет день и будет пища...».

– Кажется это из Евангелия?

– Последний культпоход³ был в «Музей религии и атеиз-

³ Для повышения культурного уровня обучающихся в военных заведениях командованием принимались решения по договоренности с центрами культуры: театрами, выставками, музеями, обеспечивать посещение военнослужащими спектаклей, художественных постановок, экспозиций и коллекций, выставляемых для массового обозрения. Так же это могли быть танцы или иные мероприятия, устраиваемые по договоренности с высшими учебными заведениями, где основ-

ма», там дали маленькую брошюрку, по моему именно с таким названием.

– Что-нибудь зацепило?... – Я начал понимать, что беседа не шла еще и пяти минут, а темы уже затрагивались не самые популярные и даже не приветствуемые, тяжело вздохнув признался:

– Не то что бы зацепило, просто чувствую что-то внутри... – Говоря эти слова, ощутил какую-то нотку, исходящую будто от совести, нотку радости сказанной правды, звучание ее было тихим, спокойным, но радостным, и радость эта разлилась по всему телу, достигнув кончиков пальцев, приятно зачесавшихся, от чего я с силой сжал кулаки и немного улыбнулся, что тоже не ускользнуло от внимательного взгляда. Улыбнулся и продолжил:

– ...не зря же Иосиф Виссарионович патриархию восстановил.⁴ Знаете ли, давно такой, казалось бы простой, но какой-то сконцентрированной мысли не встречал... – Параллельно промелькнула мысль: «Представляю, что он напишет в рапорте о проведенной беседе».

Майор, чуть подумав, пристально глядя сквозь меня и, наверное, заметив, что глаза его на меня впечатление произ-

ной обучающийся состав девушки.

⁴ 8 сентября 1943 г. 19 иерархов, некоторые из которых были недавно освобождены из мест заключения, избрали нового Патриарха. Им стал митрополит Сергей (Страгородский). Через шесть дней было принято постановление об организации Совета по делам РПЦ. После многих лет репрессий подобные изменения в религиозной жизни воспринимались как начало новой эры.

водить перестали, рубанул так рубанул..., что называется «с плеча»:

– А вы, Алексей Львович, кому служить предпочитаете: государству или Отечеству – Родине, так сказать?... – Хотя подвох я не сразу понял, а разглядев, посчитал не возможным ответить иначе, чем считаю в действительности – в конце-то концов, надо себя за что-то уважать! Встал, тем самым показывая серьёзность происходящего и, как можно спокойнее, произнес:

– Родина у офицера должна быть одна, а вот суть, жизнедеятельность и состояние государства зависит от тех, кто взял в ней бразды правления. Эти люди смертны и, мягко говоря, могут ошибаться. Насколько разны каждый из Рюриковичей, Шуйский, Романовых, Керенский, Троцкий, Ленин, Сталин, Хрущев, Брежнев и сегодняшние наши руководители страны..., а Родина, как была Родиной, так и осталась – Ей и присягу приносил, Ей и служить буду, как бы эта служба кому не виделась и чем бы не мнилась...

Пока я произносил эту тираду офицер микроскопически менял выражения лица, то есть на столько незаметно, что только после, пытаясь вспомнить подробно весь разговор, у меня прорисовалось в памяти ощущение от этих перемен выражающихся одним словом – заинтересованность и заигриванность.

Он дослушал до конца, тоже встал, но почти сразу присел на краешек стола, настолько близко ко мне, что кажется,

вот-вот услышит биение, вторящего моему душевному возмущению, сердца. Сейчас он смотрел жестко и внимательно, словно желая снять посмертную маску ожидаемой им реакции. Азарт просвечивался из глубин его желаний, прикрытый умением терпеть и сдерживаться. Он ожидал этого мгновения, будто бы получение именно этого оттиска и есть смысл не только всего нашего разговора, но всего его существования.

Майор готов был отдать за неё все, даже купить, пусть и ценою непомерною, для него это должен был стать момент истины, кажется так же, как и для меня. Я же слышал сумасшедшую канонаду своего пульса, буквально разрывающего перепонки в ушах, осознавая загоревшийся румянец на щеках и еле перебарывая нехватку воздуха. Почти оглохнув и перестав ощущать свое тело, я продолжал контролировать речевой аппарат, мимику, а главное правильно воспринимал себя и этого странного человека в происходящем, что было победой самого себя над самим собой.

Конечно, майор все заметил, но некоторая его возбужденность не скрылась и от меня, что он тоже понял, это, впрочем, совершенно его не смутило, напротив, мне показалось, что он остался доволен.

Нет, он не был покупателем мерцающих эмоций, он претендовал на большее – если не на душу, то на судьбу точно.

В момент, когда мы одновременно, странным образом, были готовы к финалу, «покупатель» четко, ясно и медлен-

но, расставляя акценты на нужных словах, произнес:

– Но родились то вы в конкретном государстве и разве не оно и есть ваша Родина?

Для меня это два разных понятия, русский солдат всегда сражался за Отчизну и погибал за Родину, даже когда происходило это во время сражений за сохранение территорий других государств... ааа государство не только с маленькой буквы пишется, но и поменяться может, так что же мне присягу заново принимать – Талейрановщина⁵ какая-то!.. – По всей видимости ответ мой оказался неожиданным, но принес удовлетворение, которое дало мне понять, что карьера моя закончилась не успев начаться, и служить мне, если служить, в «Монькиной заднице» или в лучшем случае..., но про это вообще думать не хотелось.

Майор встал, показывая всем видом, что аудиенция окончена, настойчиво попросил ни с кем не делиться не сутью, не пол словом из услышанного или произнесенного, и позволил себе, с наконец-то начинавшим что-то выражать взглядом, предположить вслух об очень даже нашей возможной, когда-нибудь, встрече.

⁵ Шарль Морис Талейран – бессменный министр иностранных дел Франции, удерживавшийся при власти 44 года, с 1790 по 1834 года. За свою карьеру дал 14 противоречащих друг другу присяг. Присягая 18 правительствам, бывший епископ, отлученный от церкви папой, всех их предал, ссылаясь на службу не правительствам, но Франции.

До сих пор редко я чувствовал себя так неловко, даже скорее неуверенно и прежде всего от непонимания произошедшего. Учеба и все сопутствующее ей, скоро застили память и я перестал вспоминать об этом необычном человеке и странном разговоре, который в свое время все же будет иметь последствия, тоже, кстати, не до конца понятые мной, а в начале своего развития и не полностью осознанные.

Все время отведенное на самоподготовку, а после и на тренировке пытаюсь понять логику вопросов майора, и не находя ее, я снова и снова возвращался к истокам произошедшего, и все больше понимал бесполезность предпринимаемого. Возможно на том и оставил бы это занятие, если не обратил бы внимание на упущенные ранее в анализе, произнесенные им фразы:

– У-гу-гу, одиночка... анализирует... И через какое то время:

– Не признание авторитета в человеке... – Что было правдой, так как авторитетность я воспринимал лишь во владении кем-то определенной области деятельности, но не в общем всего человека. Далее:

– Независимость суждений..., нет мелочей..., артиист... – При этом он ничего не записывал, а произносил скорее для меня, чтобы проверить мою на это реакцию – может

какая-то и была, но я не придавал этому значение, а весьма возможно и просто пытался меня сбить с мысли...

Причина, по которой фразы выпали первоначально из моей памяти – его акцент именно на вопросы. Еще вероятно это были мысли вслух и больше говорящие не о моих характеристиках, а скорее, о его возможностях быть внимательным ко многому одновременно. Да, интересный тип, но почему-то от этого легче не становилось. Вот если бы он констатировал, что интуиция никогда меня не обманывает – это успокоило бы...

– Шерстобитов, ты чо сегодня такой плюшевый – совсем не реагируешь. Взялся изучать «Систему», изучай! А мест лишних в спарринге нет... Елисеев, не блажи, приведи его в чувство... вот, на пол и скрут... добей! Вооот. Да чо с тобой, Алексей, ефрейтора, что ли присвоили?... – Капитан Сабов вел факультатив по «рукопашке», и не любил, когда из его занятий делали освобождение от распорядка дня, подходил к своим занятиям со всей серьезностью и очень гордился тем, что был учеником самого Кадочникова.

Ребята из под его «руки» выходили если не мастерами, то неплохими умельцами прикладной системы, и именно в боевых условиях, где даже не «полная выкладка»⁶ весила не один десяток кг, что уже говорить про фон усталости и так

⁶ Полное снаряжение военнослужащего, включающего не только вооружение, но и боекомплект с запасом, питание, питьевую воду, некая часть обмундирования, всевозможные приспособления, полезные мелочи, аптечка и так далее...

далее. Да и уметь применять любой предмет в виде оружия тоже не лишнее.

Многое было схоже и с тем, чему в свое время показывал мне отец, а того в свое время его отец и так далее – терские казачки.

А потому и мы, хоть скоро и выпускники, но из-за уважения к Ван-Ван-Чуну, как любя называли своего учителя Ивана Ивановича, подходили к тренировкам серьезно по нескольку раз в неделю, а кто хотел и чаще, и были благодарны, возможности применения в последствии полученных навыков, каждый в свое время и в своей ситуации...

– Ван-Ваныч, да их с Толиком Жуковым сегодня в «особый» тягали, вот и кукусятся... – Вступился кто-то вовремя, иначе не миновать спарринга с самим В.В., а он никогда не лупил, только болевыми наказывал.

– «Особый» – не приятно... Чо тогда приперся, квасился бы со взводом в аудитории.

– Чем сложнее – тем лучше, может когда-нибудь научусь собираться в критических ситуациях... – Уходить не хотелось, как в прочем и обузой Виталику быть то же. Ван-Ван-Чун смягчился:

– Ладно, вам двоим по 500 отжиманий, потом «липкие руки», дальше посмотрим... чебураторы особой породы.

Ия

Виталик Елисеев был нашим третьим товарищем, тоже продолжателем семейной традиции, начинавшейся истоками породы, такие же как у меня, – с «русского Терека» и станции Грозной, хотя и приехал поступать, как и я, из Москвы.

Семьи наши часто проживали там, где проходили службу отцы. Гарнизонные будни не то чтобы походили один на другой, это у взрослых похоже было так, а у нас раздолье: то походы, то стрельбы, то охота с бате́й, то рыбалка в офицерской компании... И как говаривали подвыпившие служаки: «Это вам не какая-нибудь гражданская попойка, здесь все без бардака и разврату... Это, мил человек, воинское предприятие и самое безобразное из того, что может произойти: либо очередь по воробью из пулемета, либо тонна тротила на ерша, а поражением в этой битве – не своевременное окончание горючего, что гарантирует полный провал в подготовке боеготовности».

После этого обычно следовала команда: «Огонь»... и промахов никогда не было – все же офицеры.

Мне нравились эти компании, в них, даже если кто-то и перебирал, то все равно все заканчивалось дружескими объятиями, и всегда чувствовался дух неповторимого братства и единства, а остальное все как у обычных людей: службе время – потехе час.

Это потом уже, расставшись с армией, я понял их не подготовленность и даже боязнь когда-нибудь да подходившей отставки, пусть и обеспеченной военной пенсией и уважением, и даже устроенностью бытовой и заботой государства. Это образ жизни в законсервированности, отстраненности от гражданского общества с его правилами и не пониманием жизни «по уставу», под тяжестью принятой присяги, долга и понятия чести офицера. Эти люди, кроме выправки, отсутствия гражданских вещей и, возможно, взгляда, почти ничем не отличались от подавляющего большинства обычного населения, но внутренние различия разительны.

Возможно возложенная на них ответственность за несение службы, задругиежизни, данноеобещаниесложитъ головы в указанных Родиной месте и времени, а главное готовность к этому, конечно, постоянное соприкосновение с оружием и нахождение в напряженном состоянии, воспитывают в человеке, начиная с военного училища, тот сгусток качеств, совместить которые с имеющимися у других людей, вне жизни в армии, крайне тяжело...

...Как то, на очередном политзанятии замполит шутиливо объяснил почему нас так боятся на западе:

– Да потому что мы внешне такие же как они, а души у нас другие – понять они нас не могут, товарищи курсанты, ... пони-ма-шь! А всего непонятого человек опасается. Заметьте все опасаются, кроме нас. Мы – никого, сколько бы нас не было. И потому всегда хотят Русь уничтожить или под-

чинить... На что нам, конечно, нааас... плевать, по-ни-машь... – мы всегда к этому готовы. Даже такой светоч военно-го империализма, как Отто фон Бисмарк, который, несмотря на всю к нам нелюбовь, наверняка засматривающийся на наших русских барышень и наши земли, с опаской говаривал... – И вынув из заднего кармана сложенный вчетверо листок, начал читать, с первой буквы резко уменьшая громкость:

– Еще раз придешь в таком состоянии, скотина...!.. – Скотина подняла брови, вытянула мясистые губы в трубочку и приоткрыв рот, цокнула языком. Задумчивость оратора приостановила выступление на секунду, обрабатывая мысль: «От куда бы эта хрень могла взяться,... всего то литр спирта с «замом» на двоих? Сука теща – не вовремя!», – но не потерявшись, он крякнув, голосом диктора Левитана заявил:

– Гм... – это, кстати, тоже одно из средств психотропного современного оружия, разработанного нашими тещами, их... этих нестерпимых, но замечательных женщин можно забрасывать вместе с перспективными женами в тыл врага – летальный исход среди неподготовленных, разнеженных капиталистов 97 %! У нашего же брата, кажется потери понесут только тещи – ей Богу, еле сдерживаюсь, мужики... – И сам поддержал раздавшийся хохот своим раскатистым уханьем. Дождавшись окончания разрядки, продолжил, вытирая носовым платком появившиеся слезы:

– Так вот, вернемся к Отто фону: «Никогда не воюйте

с русскими. На каждую вашу военную хитрость они ответят непредсказуемой глупостью», – очевидным кажется наша непредсказуемость – одна из национальных черт, которую даже фон... фонон понять не смог, а потому и назвал глупостью, дабы самому таким не выглядеть, пони-ма-шь!

Прокашлявшись и убрав листки вместе с платком в один карман, полковник пристально вглядывался в каждого сидящего попеременно, будто желая понять – а никто ли этого самого Бисмарка не поддерживает, но не найдя таковых, констатировал:

– Разумеется его предшественникам было нелепостью предположить, что Александр Васильевич Суворов – тогда фельдмаршал, и после, величайший генералиссимус всех времен и народов, по-ни-ма-шь..., попрется через Альпы. Между прочем, для представителя глупой нации, как предполагает о нас гениальный Фон Бисмарк, у Суворова в 93 сражениях – 93 победы – кажется неплохо, а точнее, для других недостижимо!.. Только русский мог пойти на это в полной уверенности, что не только пройдет, но и даст проооср... по мордасам растерявшимся французам! Ну, конечно не все так просто и не так гладко, но точно гениально, а не глупо. Кстати, как вы помните, никто не мог победить армию в 100000 воинов с 7000, а вот Васильич смог! Ну не считая Александра Великого, конечно. Этот царь македонских пастухов был способен и на большее..., ну тогда время другое было... И еще ни раз «Васильичи» это смогут!

Как вы помните, аналогичная история по талантливости, уже, фельдмаршала Кутузова в компании 1812 года, начиная от отступления нами от границ Российской Империи до Смоленска иииии... далее. Это ж надо было так завлечь голдных двенадцать народов на самую наковальню, чтобы потом кувалдой по самому темечку пони-ма-шь..., от чего Бонапарт очухался полностью лишь на острове Елены..., кажется. А что стоит оставление Москвы, думаю, именно там Наполеон и перестал реально понимать происходящее. Да и вообще русского европейцу не понять, так сказать, умом не охватить претензионности и величия душевного порыва..., красиво сказал..., по-ни-ма-шь..., так же как, впрочем, и необъятную Россию, тем более СССР!!!... – На том и кончил...

...Так вот, чуть отвлекся, но на этом примере можно попытаться понять разницу мировосприятия военного и гражданского так же, как разницу мировосприятия русского и европейца – причем нас то это не очень волнует, а вот их непонимание нашего духовного просто пугает! Все это к тому, что чтобы разобраться, нужно на себе испытать. Поэтому, человек не служивший, вряд ли, не проходя службу в армии, даже в общих чертах, не сможет представить ни общую, ни частные картины, составляющие жизни, души и самого воина. Причем и срочная служба тоже не поможет – она дает лишь не полное представление о быте и профессиональной подготовленности, а не как о сформировавшем-

зи»... , а твояяне были тоже с чинами, но в основном высшими. Кстаати, хочу напооомнить тееем, кто забыыыл о сосо-овном составе совгеменной Советской ааамии – гоогдиться надо не своиим пгоооисхождением, но деееами пьетков... Так вот, пгоодолжим тему танкового саажения пот Пгоохо-овкой...

– Утёр, так утёр – ничего не скажешь – голубая кровь!.. – Виталик, хоть и будущий, тоже, потомственный офицер, но не дворянин точно, слегка расстроившись, о чем-то задумался.

Я же подвоха или какого-то неудобства не испытывал, совершенно четко помня из отцовских рассказов, что все мужчины в роду по его линии служили Отечеству. А его отец вспоминал о совсем далеком предке, служившем еще князю Пожарскому, и говаривал, что тот отчаянный был рубака. Хам – не хам, а Отчизну не продам!..

Отчаянно хотелось курить, даже не мог остановить мороз, и необходимость спускаться на улицу с третьего этажа без шинели, в одном полушерстяном обмундировании. Первая затыжка разогнала тепло по венам, прогнав и надвигающийся было сон. Постоянный недосып мучил ежедневно, правда не такой как в первые два года обучения и стоя «на тумбочке» дневальным по роте, я больше не засыпал, причем «стоя» – в прямом смысле. Хотя он и воспринимался как нечто необходимое, но успешная борьба с ним подымала, как и еще ряд лишений и ограничений, свою самооценку и вы-

рабатывала выносливость, что подтверждали и выбирающие нас, по сравнению со студентами, молодые барышни, особенно завидев на левом рукаве более трех «годичек» – желтого цвета полосочек, каждая из которых обозначала один год обучения...

Ублажив никотиновую зависимость, мы побежали с нетерпением добивать «пару» (два академических часа, каждый по 45 минут), что приблизит сегодня к грозившему увольнению. Сие мероприятие целый процесс, длительный, нудный, но несмотря на это не отбивающий желания в нем участвовать.

Четвертый курс – с выходом в город гораздо проще, но все же несвободно. Успев в спортивном зале с «железом» (тяжелоатлетические снаряды: штанги, гантели, утяжелители для них. Гири и груза), и приведя себя в порядок, я накинул идеально, собственными руками, подогнанную «парадку»,⁷ что собственно говоря, умеет делать каждый уважающий себя курсант, а совершенство, как известно, понятие бесконечное, поэтому главное в этом – вовремя остановиться. Весь

⁷ Парадно-выходная форма одежды, собственно, как любая другая, курсантами подгонялось под свою фигуру и по господствующей тогда армейской моде. Все делалось на коленках, своими руками, что прививало любовь к аккуратному, опрятному и молодецкому внешнему виду будущего офицера, который должен в последствии, по окончании заведения, стать примером для своих подчиненных. Иногда это увлечение доходило до абсурда, что при всей красоте сковывало движения. Особое внимание, в том числе и офицерами, обращалось внимание на состояние сапог, поддержание блеска на которых в любых обстоятельствах – целое искусство.

блестя, от ботинок и ременной бляшки, до искрящих в предчувствии долгожданного, глаз, вскочил в свое место в строю, как раз в тот момент, когда проверяющий подходил своим взглядом к этому ранжиру:

– Шерстобитов, че такой красный? На зимнем солнце перегрелся? Ну ка покажи нитку с иглой. Угу..., а платок... – да ладно вижу, что готов... – И дальше продолжая в том же духе, раздал увольнительные листы, получив которые, мы разлетелись в мгновение ока, как шрапнель при выстреле..., правда здесь не задевая и не раяя никого...

...Закончив только что «Записки из мертвого дома» Достоевского, нашел что некоторые сходства имеются и с нашим заведением, отдаленные, конечно, да и несравнимые по своей сути, но впечатлившись, поделился своими наблюдениями с Толиком и Виталькой. Конечно их мысли были не о том, а о предстоящем дне рождении «зазнобы» первого – очень приятной и обходительной дамы, лет на пять старше него, и как оказалось, имеющей двух сестер, что было очень удачно именно для этой ситуации – все они были от разных отцов, а потому совершенно непохожие, что и было подозрительным.

Мои подозрения оказались небеспочвенными, девушка заинтересовавшая меня, вообще не вписывалась, не то чтобы, в семью, но даже в коллектив «сестер». А ее имя – Ия, и сногсшибательный взгляд с поразительно пронизательностью, наталкивали меня на мысль о наличии в ее крови ге-

нов дворянских, разумеется подкрепленных профессорским или, как минимум, писательским образом жизни родителей.

Ниже меня всего на десять сантиметров, что почти уравнивали каблучки, очень стройная, со спортивной анатомией и правильной осанкой, фигура. Столько грации, пожалуй, я не встречал еще ни у кого и вряд ли встречу. Взгляд победительницы, но не желающей побеждать и даже сражаться, но отдающей себя на волю того, кого выбрала сама. Я еще не был столь опытен, но ощущал такой жар, исходящий из ее упругого тела, что не хотел отпускать ни после второго, ни после пятого танца. Все же подчиняясь просьбе товарищей и их дам, вынужден был сдаться и нежно поцеловав кончики пальцев ее руки, сопровождал к столу – громко сказано, конечно, но теперь, кроме нее я мало что замечал, и ничем другим не интересовался весь вечер.

Наверное, это врожденное напористое, но в то же время ненавязчивое отношение к ухаживанию за представительницей противоположного пола, во что я вкладывал все, что умел, и чем владел, создавало натиск бешеный и неумолимый, который, правда, я очень старался сделать приятным и угадывающим желания. Сегодня я был весь внимание и пожирал каждую ее клеточку, с азартом молодого охотника расставляя не только силки и ловушки, но и всеми силами показывая безопасность этого предприятия в перспективах нашего общения. На самом деле мне просто было приятно даже находиться рядом с этим человеком, и я был уверен,

что это ее притягивающее свойство действует, из нас, троих мужчин, только на меня, и обязательно выльется во что-то более крупное.

За час до времени ухода, это светловолосое, необычное создание, сверкая темно – синими глазами, утянула меня на балкон, где совершенно по детски прижалась и шепотом призналась, что не понимает происходящего с ней и если мне не противно, то не мог ли я поцеловать ее, ну хоть бы в лоб, чтобы хоть немного успокоить.

Я поднял ее за талию, посадил на брошенную мною заранее на подоконник шинель и... слегка растерялся – я хотел ее всю, но так и не смог понять – а имею ли теперь, когда она мне доверилась, право хоть на что-то?! Холода на застекленном балконе не чувствовалось, напротив, я был раскаленный шар, а мои руки осторожно скользящими перьями... мы дышали друг в друга, остановившись в миллиметре, почти касаясь губами, но поцеловав ее в шею, уже не мог оторваться...

Все прервалось стуком в окно, десять минут пролетели, как вечность, но закончились в один момент! Выходя на балкон, мы были молодыми людьми только сегодня познакомившиеся, а заходили в квартиру самыми близкими, мало того, на ближайшие несколько месяцев, кроме как о друг друге думать больше не могли, ни о ком и ни о чем...

Я был благодарен некоторой своей старомодности и радовался что ее девственность в этот «балконный момент», как

мы его назвали, осталась неприкосновенна, и дело не в том, что до свадьбы нужно дойти... и так далее – это как раз было непринципиально, но хотелось закрепить свои чувства, и уж если делать это, то не просто очень близкими и еле сдерживающимися, но совсем слившимся одним целым, что бы кроме физического кусочка материи более ничего не поменялось.

Так и было, этот день и мне, и ей запомнился, как нечто чистое, возвышенно – приятное долго продолжающееся и после постоянно желаемое...

В институте ее считали букой и занудой, даже несмотря на занятия легкой атлетикой, тягу к которой она сохранила до конца своей непродолжительной, но счастливой жизни. Хорошая успеваемость и действительно приличный объем знаний на фоне высочайшего интеллекта, делали эту девушку, с почти всегда сосредоточенным выражением лица, непреступной и, якобы, незаинтересованной в ухаживаниях, но женщина всегда остается женщиной! После нашего знакомства налет холодности и серьезность разорвались неожиданным шармом и сексуальностью, правда на столько контролируемые и сдержанные, что не оставляли не единого шанса, позарившегося на сладкое.

В промежутках между «увольнительными», в которые не удавалось ходить чаще двух раз в месяц, либо она приходила и мы по два часа сидели в общей комнате посещений, расположенной на КПП училища, порой просто взявшись за ру-

ки и о чем-то полушепотом беседуя. Впрочем, тем в памяти было предостаточно, но все они заканчивались, как правило одной – о ждущем нас счастливом совместном будущем. Или я, выбегая на ежедневные тренировки буквально пролетал семь километров до условленного места, где мы шлЯлись, счастливо прижимаясь к друг другу, сообщая о всем произошедшем за время разлуки, даже если это был всего лишь день.

Все что говорила она о себе казалось мне таким важным и нужным и, конечно, более интересным из того что я узнал, прочитал или увидел за всю свою жизнь. Совсем замечательным событием в этой связи были культпоходы в театры, кино или музеи, которые я никогда не пропускал с первого курса, а имея теперь такую причину и подавно, стал завсегдатаем, набиваясь даже в подобные мероприятия других рот и курсов.

Мы смеялись, ловя себя по выходу после очередного спектакля на том, что почти не помнили о чем он, не выходили на антракты, да и не до жиру было, а более всего из-за нежелания потерять и минуту, пусть не уединения, но хоть какой-то близости.

Особенностью того времени было совершенное отсутствие какой-либо возможности снять или найти квартиру или хотя бы комнату, не говоря уже о гостинице. Работа ее родителей складывалась по временным рамкам таким образом, что кто-то из них после трех часов дня уже был дома.

Правда отец, узнав о наших серьезных отношениях побывал у командования училища, после чего частота наших встреч увеличилась вдвое.

Как-то меня вызвал замполит, и поинтересовался, а почему я собственно молчу о своих связях, но особенных не было, о чем я и сказал. Оказалось, что скромность семьи моей любимой сыграла добрую шутку, и как я и предполагал когда-то, Иин отец оказался профессором и, кстати, военных наук – личность в наших круга известная и пользующаяся уважением.

Разумеется после этого я посчитал себя должным засвидетельствовать свое официальное почтение с уверением серьезности намерений в отношении его дочери, да и вообще, чтобы понять – а как сами родители моей возлюбленной к этому относятся...

...Неожиданно больше всего меня потрясла не огромная квартира, правда скромной отделки и не вычурного интерьера, и не заслуги отца перед Родиной, и даже не сногсшибательный вид той, без которой я свою жизнь уже не представлял, а ее матушка. Пятидесятилетняя женщина выглядела не более чем на 30, была в хорошей спортивной форме, сопровождавшейся изящностью, скромностью, иии... изюминкой обаяния необыкновенного, которую переняла и дочь. Все это лишь подчеркивалось не обычной подиумной красотой, а настоящей своеобразно – индивидуальной, причем совсем не увядшей и не выглядевшей законсервированной, с помощью

косметологов и хирургов. Взгляд ее сквозил открытостью и любовью, а все движения пластикой и безусталью.

– Так и знала!!! Меня не заметил, а вот маме, как всегда все авансы!.. – Растроганная моим стопорным состоянием, Ия попыталась вернуть меня с небес на землю:

– Ну что ты как истукан, Леличка, это моя мама, это папа, а это, между прочем я!

Глупая ситуация разрядилась смехом, а продолжающееся знакомство развеяло всю напряженность:

– Девочка моя, нууу... вы просто так похожи, и кроме всего... эта кажущаяся мизерной разница в годах, но это же здорово!.. – Я изворачивался как ехидна, хотя, кажется в этом не было необходимости. В любом случае, галантный, а тем более такой закамуфлированный комплемент не будет лишним.

– Чем же, интересно послушать?... – Шутливый тон главы семейства, располагал и успокаивал, но требовал ответа.

– Ну как жеее, отец сразу после окончания мною школы давал краткое напутствие в жизнь, вот... Наверное понимая, что Питер, где я собрался учиться, – это город не только стоящий на Неве, но и блестящий насыщенной историей, о которой, гм, гм... рассказывают непревзойденной красоты девы. В этом, я думаю, он полагаясь на опыт своей молодости, приобретенный будучи тоже курсантом, мог ошибаться о современности... – так ведь приходится теперь верить. Только я «прошел» мимо истфака университета и пропал, попав

в сети вашей дочери..., гм... Так вот..., ааа батя предупредил, что прежде чем жениться надо взглянуть на тещу – такой будет моя избранница, когда... ну сами понимаете... – Будущая теща подкладывала котлеты и картошку, которые я не видел уже месяца три, слюни насыщено наполняли полость рта, мешая говорить, а отец Ии смеялся, прищуриваясь, было поначалу подумав, будто я положил глаз на его сокровище – супругу, мое же сидело прижавшись плечом и щекой ко мне, обняв за локоть и довольно улыбаясь.

Виктор Ильич, а именно так величали крепкого, если не сказать, даже очень крепкого, красивого и подвижного человека, казавшегося всегда веселым и расслабленным, на деле же, при внимательном наблюдении, контролирующем все и вся:

– А мой вот батя говаривал: «Прежде чем жениться посмотри на суженную с утра, как проснется. Так я, дурила, перепутал – думал он говорит о теще, подкрался, а та, ха-ха-ха... подумала не Бог весть что..., да сложное утро, гм... тогда было... – И уже совсем печально неожиданно добавил:

– Тогда все объяснилось, а через год после свадьбы все их семейство погибло – какая то темная история... и остался я тогда, Алексей Львович, бобылем и полным сиротой в лейтенантских погонах..., пока вот ее не встретил. А как увидеел, ууууф..., то более оторваться уже не мог – в миг вылечила! И чего во мне нашла?! Между прочем, всех прихватывает, как тебя, кто ее в первый раз видит... Угу... – И с та-

ким низким в голосе придыханием, почти шепотом добавил:
– Берегись, у Ийки чары посильнее будут. Это она сейчас молодая... давай, давай, солдат, принимай пищу,... чего застыл, я шучу. Это я к тому говорю, что тяжело мне одному с ними справляться, ведь даже прикрикнуть не могу. Разбавляй коллектив..., ну..., спасай давай..., ааа о будущем твоём подумаем. И не рассказывай мне о своих планах! Ну, княжна, давай коньячок, мужикам договор скрепить надо..., а в вашем винишке правды нет, только ноги слабит, давай, давай... – Мама Ии, Нина Ярославна, осветив улыбкой комнату, с умилением глядя на свою дочь, буквально не отрывавшей от меня своих огромных, наполненных жертвенной нежностью, глаз, исполнила просьбу мужа, словно сама все это устроила.

Наблюдая за ней периферийным зрением, я обнаружил такую же пластику, легкость, и какую-то особенную, будто, незаконченность незаметно переливающихся друг в друга движений, как и у дочери. Это приковывало к себе взгляд и завораживало... Я любил ее дочь и все, что имело к ней отношение – любого родственника я готов был принять в сердце ближе себя самого, но эту пару уже признал вторыми родителями с бесконечной признательностью и благодарностью за появления на свет явления всей моей жизни – Ии...

...Пока Ильич вещал я усиленно наседаю на постоянно наполняемую тарелку, но с каждым словом все замедлял и замедлял темп процесса, а на слове «чары» чуть не поперхнул-

ся. Одновременно с этим посмотрев в глаза девушке, увидел в них какую-то обреченность, обращенную толи ко мне, толи к себе, вместе с огромным чувством и желанием никогда не отходить от меня и на шаг.

Как люди понимают это, как читают целые романы за долю секунды, встретившись взглядами, зацепившись душами, как пережив такой всплеск эмоций, потом забывают об испытанном? А если не забывают, что само по себе уже чудо, то уверяю вас, об этом помнит и этому завидует, сидящий в каждом из нас враг рода человеческого. Он сделает все, чтобы привести вас к краю обрушения вашего счастья, опираясь при этом на ваши же страсти и недостатки – достаточно будет одного...

Ей не было еще и восемнадцати, но на меня, казалось, смотрела женщина с огромным опытом и бесконечной жизненной энергией, которые она готова была бросить к моим, не достойным этого, ногам...

На «коньячке», я чуть было не растерялся совсем, но потом посмотрев на часы подумал: грамм сто, принятые под такую закуску, успеют выветриться до конца сегодня заканчивающегося увольнения, но посмотрев на Нину Ярославну, наткнулся на еще один мощный прозорливый взгляд, пронизывающий мурашками до корешков волос, под который и поставил свои, пока еще невинные очи... – ее потеплели, и больше никогда не были такими, как секунду назад:

– Я извиняюсь, Ильич..., нооо... мне сегодня возвращать-

ся в казарму, может как-нибудь... гм... потом.

Подчеркнув уместность моих переживаний, он извинился, и ненадолго отошел, минут пять с кем-то говорил по телефону, а вернувшись, приказным тоном велел супруге налить, а мне выпить, поддерживая его. Когда же я неуверенно тормознул рюмку у самых губ, услышал:

– Не дрейфь, вояка, теперь у тебя суточное увольнение!.. – На что я опрокинул рюмку и хотел было уже закурить, но вспомнил, что папиросы в нагрудном кармане шинели. Неожиданное осознание сказанного заставило застыть на полувзлете со стула – конечно сутки увольнения это здорово, но тетушки, к которой я всегда ездил с ночевкой, если не находилось другого дела в городе, сегодня нет – уехала к своей двоюродной сестре, моей маме в Москву, и что я буду делать этой ночью и где – непонятно.

Быстро придя в себя, я продолжил зависшее движение, полагая, что время все расставит на свои места.

По пути в коридор захватил грязную посуду и задумавшись пошел помогать женщинам. На кухне поинтересовался, где на лестничной клетке у них курят. Вместо ответа получил от перспективного бати в руку следующую рюмку с предложением перекурить на огромном балконе. Выкурили сразу по две, затем кратенько и поговорили о моих родственниках, их роде занятий, о моих жизненных интересах, планах и увлечениях. Ильич, казавшийся мировым мужиком, совсем добил меня, когда поедая торт и запивая его чаем из

литровой глиняной пивной кружки, поинтересовался:

– Нинок, а не уступить ли нам свою кровать сегодня будущим молодоженам – вот и посмотрят друг на друга с утра? ...

– Очередной кусочек сладкого, казалось бы маленький и хорошо сидящий в лоне десертной ложечки, покачулся, но не надолго удержавшись, все же упал обратно на блюдце, когда прозвучал ответ Нины Ярославны и Ии одновременно:

– Уже застелили!

Тут мне показалось, что они знают то, о чем я даже не подозреваю, или здесь какой-то подвох. Хотя моя мать поступила бы так же.

– Ну и славно, да ты, Леш, это... не задумывайся, мы с матерью так бы не поступили, если бы не знали о тебе все в подробностях, да и дочка без умолку только о тебе и твоём благородстве и воспитанности все уши прожужжала..., тараторка-тараторочка. Ладно оставляем вас одних. Если что, мы у соседей – у Петровича сегодня юбилей, надо зайти, а то обидится. Угу..., так, к утру подползем...

... Мою спину поглаживала мочалкой, сидя со мной в, не по-советски огромной, ванне, не просто самая сексуальная и красивая девушка, но любимая и желаемая. Я был неприлично сыт и слегка под шефе. Из всего этого реально предпологаемым с утра было лишь возможное замечание в отношении «сыт»: «Вот он, вот он – я вкусил рай при жизни!».

Переняв у нее мочалку, сдерживаясь из последних сил и поглаживая ее тело, совершенно точно, идеальных пропор-

ций и форм – никогда я Ию не видел до этого такой, как сегодня, как сейчас: она не стеснялась, и излучая счастье, просто принадлежала мне, наполняя собой все пространство вокруг и внутри меня.

Я отнес ее на руках в спальную комнату, просто обернутую в большое полотенце, положил, не совсем вытертую, на белоснежную простынь и выключив большое освещение, повернувшись, с наслаждением рассматривал ее при слабом розовом свете торшера, не в силах оторваться от впервые нагой, с мокрыми густыми волосами, будто желтым золотом, с капельками платиновых, переливающихся всеми цветами радуги, вкраплениями. Они ниспадали по шее на грудь волнистыми потоками. Кажется, я забыл чего хотел, весь горя изнутри и буквально потеряв голову, боясь спугнуть этот миг, и наверное, перестал дышать, хотя пульс был частоты сумасшедшей. Я хотел совершить ради нее что-то грандиозное, и начал с того, что признал ее всем главным в своей жизни...

...Ночью мы почти не спали, не в силах оторваться друг от друга: то она, только заснув, просыпалась от того, что я глядел на нее, то я по той же причине чуть не вскакивал. Ее тело не переставало быть упругим, а губы зовущими...

...У меня до нее уже были женщины, но все, кроме школьной влюбленности умещались в описание несколькими словами, может потому, что между нами не пробежало никакой искры, может не мне и не им большего было не нужно. А

может просто потому, что такой как она в природе более не существует. В очередной раз проснувшись, прильнув к моей груди, одной рукой еле касаясь, проводя по моим губам, а второй тихонько теребя в волосах, девушка тихо спросила:

– А кого я тебе напоминаю?... – Удивительно, ведь только минуту назад мне показалось, что она вобрала в себя описания Олеси и Гианэй⁸ из когда-то двух прочитанных с наслаждением книг, пусть даже второй и фантастической, но мне и казалось, что я в сказке. Услышав эти имена, она грустно сказала:

– Олеся, какая печальная судьба..., вместо возможности быть счастливой – ранняя смерть, и почему этот дворянин ее защитить не смог..., а Гианэя, кажется тоже счастливой не стала... – Тогда я не вспомнил, как окончилась эта книга, по моему любящие друг друга расстались, а засыпая, отметил про себя, что только что проснувшаяся и без косметики, пусть и того минимума, которым она пользуется, Ия прекрасна. И она моя!..

⁸ Героини из одноименных произведений Куприна «Олеся» и Георгия Мартынова «Гианэя».

Родственники

Проснувшись с утра от ощущения на себе приятной тяжести – Ия сидела на мне, в накинутой на голые плечи моей рубашке с погонами, не застегнутой ни на одну пуговицу. Ткань спереди, оттопыренная естественными формами, которые и не собирались за ней прятаться, а выглядывали оканчиваясь маленькими розоватыми бугорками, выгодно обрамляла притягивающую взгляд грудь, я почувствовал верх блаженства, бесконечные восторг и благодарность этой лесной фее просто за то, что она есть! В руках она держала маленький, наверное, серебряный подносик, с двумя маленькими чашечками кофе и только прикуренной, взятой у папы, сигаретой:

– Ты что куришь, радость моя?! Даже не смей, хочешь я брошу? Наверное не приятно целоваться с курилкой... – Она замотала головой, разметая светлые локоны по груди и рубашке, давая понять что все устраивает и ничего делать не нужно. Продолжая держать поднос и посылая воздушный поцелуй, чуть шевеля губами, тихо проронила:

– Как с тобой хорошооооооо.

Я уже не мог сдерживаться, взял у нее поднос и держа его в одной руке, поднялся чувствуя даже через простынь теплоту ее лона, обнимая свободной рукой за талию, несколько раз поцеловал, и сам для себя неожиданно спросил:

– Будешь мне женой?... – Блеснув глазами со слезинкой и поелозив на мне, освобождаясь от разделявшей нас ткани, Ия скинула рубашку и нагнулась ко мне..., ее грудь коснулась моей и я ощутил долгий, нежный и глубокий поцелуй, заставивший от наслаждения закрыть глаза и совсем откинуться назад. Почти не отнимая своих губ, она прошептала:

– Я всегда хочу быть с тобой, и мы обязательно повенчаемся. Знаешь, в тебе есть что то, что никогда не отпустит – мы всегда будем вместе и всегда будем счастливы..., пока живы. Мама так сказала, а она никогда не ошибается... – Ее поцелуи, соленые от слез, упавших на губы, прожигали не только тело, но и душу насквозь..., и казалось оставляли ощутимые приятные метки в местах прикосновения, но эти слезы были потоком радости.

Хотелось остановить время, застопорив эти мгновения своей жизнью навсегда. Но навсегда они остались только воспоминаниями, впрочем далеко не единичными и часто повторяющимися... поцелуи, возвращающие силы, поглощающие любые невзгоды, отводящие любые мысли, кроме тех, что дарили восторг...

...Вернувшиеся родители, высыпали провожать меня вместе с ней в прихожую. Мама, обнимая на прощание, пыталась вручить несколько рублей на такси, а отец, крепко пожимая руку, протянул блок «Герцеговина Флор» – роскошные папиросы, не понятно от куда у него взявшиеся, при его предпочтении к фильтрованным крепким, не нашего произ-

водства, сигаретам. Я выбрал курево, а у будущей тещи с извинением поцеловал руку, но на деньгах она продолжала настаивать:

– Алексей, Алешенька, ты теперь дорогой для нас человек, и мы..., кстати, уже говорили с твоими родителями – удивительная и очень прозорливая у тебя мама. Пойми правильно, я не жизнь тебе облегчаю, а хочу избавить от некоторых... ну, поезжай пожалуйста на такси... – Удивительно, но тут они все вместе надели на меня с этой просьбой. Я пообещал не только выполнить их желание, но и вернуть деньги, конечно цветами, за что получил с двух сторон одновременный поцелуй и маленькую фразу шепотом:

– Я тебя очень люблю!

...Машины не останавливались, ни с шашечками на крыше, ни частников видно не было, до училища пешком минут 30–40, а если поднапрячься, то и того меньше. Рисковать не хотелось, а времени в обрез. Поблагодарив судьбу за то, что отказался от предложения Ильича проводить меня: «В самом деле не ребенок», – посмотрел еще раз на окна, где кажется увидел личико возлюбленной, помахал рукой, сделал жест сожаления плавно переходящий в обещание позвонить и потопал пешечком, прибавляя ходу, направляясь в сторону набережной, ведущей к казармам у Театральной площади.

После бессонной ночи тело приятно поднывало и напоминало о том, чего в моей жизни еще ни разу не случилось. Я был влюблен, это чувство заполняло все пространство

моего мозга вместе с воображением, чему были подчинены и все имеющиеся в моем распоряжении органы чувств. Даже не удосужившись проанализировать или хотя бы заподозрить в поведении новых ожидаемых родственников очевидное необычное, какового была масса от этой настойчивости с такси, до звонков моим родственникам – я даже не обратил внимание отмеченную Ниной Ярославной прозорливость моей матери.

Все эти мысли нагрянут одновременно через час с небольшим, после событий, о которых я не только, в отличие от тещи, не мог подозревать, но и не думал, что вообще способен на подобное, хотя кто из нас человек, может быть в чем-то уверен в отношении себя, не сейчас, когда об этом думаешь и готов, а...

...Минутная стрелка часов подгоняла, ускорявшийся и без того шаг, но нервничать причин не было. Великолепное настроение говорило не о закончившихся выходных, а о скоро вновь грядущих, а еще больше о том, сколько их вообще впереди!

Уверенность в необычности и избранности наших чувств, присущее всем влюбленным, делало меня убежденным избранником судьбы и баловало мою гордость. Молодость напевала гимн счастью и безоблачности предстоящей жизни, пока сквозь эти мелодии не начала пробиваться какая-то сторонняя какофония звуков, которая никоим образом не вписывалась в мою симфонию...

Крики молодой женщины заставили обернуться на другую сторону набережной, чуть назад – странно, когда я проходил мимо, то никого не замети. Да, кажется я вообще шел, ничего не замечая. Зачем-то посмотрел растерянно на часы, в голове промелькнуло: Опоздаю..., да что же я...?!!!

До мостов бежать было одинаково в любую сторону и я рванул по набережной вниз – так легче. На бегу снимая ремень и совсем не отдавая себе отчета в том, что различил троих, с уже полураздетой девушкой. Впрыснутый адреналин даже не давал появиться и тени сомнения в правильности совершаемого, сначала думал: «Убью!». Но подбегая, увидел одного мужчину, удаляющегося на большой скорости, и не снижая своей, перепрыгивая подставленную подножку и наотмашь разгоняя, в сторону посмеявшего это сделать, свободный конец ремня на конце с бликующей латунной пряжкой, обо что-то мягко ударившей! Послышалось:

– Сумочка!.. – По всей видимости чей-то хват ослабился и дама смогла дать понять, что ее волнует больше всего. Ушитая по всем щегольским правилам шинель неудобно стягивала, мешала и трещала по швам, понимая, что это усложнит единоборство, за пару метров до беглеца я попытался оторвать хлястик, но он оторвется сам с мясом сукна чуть позже. Грохнувшись своими, пока еще восьмьюдесятью килограммами, на подсеченного громилу и удачно захватив одну из рук, как раз сжимавшую сумочку, притянул ее к себе и упершись по жестче для равновесия, не обращая внима-

ния на суету соперника, повернулся всем корпусом в обратную сторону, относительно анатомическому сгибанию локтевого сустава. Понимание природы раздавшегося звука была неприятным – сломанная рука выпустила сумку, а рот покалеченного издал крик, мощнее и продолжительнее, которого мог быть только призыв слониhi ищущей свое чадо.

Подхватив расстегнувшуюся чужую собственность, я уже неся охваченный первой победой к деморализованным оставшимся противникам, один из которых улепетывал, держась за затылок, видимо именно туда попала бляха от ремня – не будет подличать. Третий шел навстречу, кажется что-то держа в руке. Не добегая несколько шагов я швырнул снизу, без замаха, ему в лицо забранную только что сумку, чего он явно не ожидал, но отворачивая голову все же полоснул чем-то по шинели. Что-то посыпалось уже на сбитого с ног, чертыхающегося, тяжело дышащего, здоровяка – падая, как оказалось, он слегка поранил себе кисть и сломал палец, но похоже не успел этого понять, а попытался ударить калечной рукой и ведь почти попал, слегка зацепив щеку, но ножа уже не было, а потому сразу получил два удара локтем и успокоился.

Внезапно раздавшийся крик девушки заставил испугаться и отпрыгнуть в сторону, и очень кстати – опустившаяся на мною освободившееся место доска, добила еще мычавшего парня, и уже совсем расстроила пытавшегося ударить ей еще раз, молодого человека. Видимо мой распотрошенный вид и

«включенная сирена» завывания обессиленной и упавшей на колени дамы, подсказала ему единственное верное направление движения, чем он и не преминул воспользоваться.

Хозяин сломанной руки, по всей видимости улизнул раньше – хорошо, что я забрал сумочку. Уже подходя к всхлипывающему и трясущему созданию, совсем без юбки и в разорванных колготках, заметил, что меня тоже начинает трясти. А всплывающие в памяти моменты: нож, оказывается распоротая им шинель, в глубину до самого нагрудного кармана, да и дубина, так удачно миновавшая мою голову, просто начали подбрасывать. Адреналин иссяк, зато остались бешенный пульс, подбадриваемый зашкаливающим давлением, или наоборот, и наконец начинающаяся ощущаться бешеная усталость.

Что делать дальше в таких случаях я понятия не имел, девушка – воробушек с растрепанными длинными, до «того самого»... волосами, и глазами, больше и ярче светящих в удалении уличных фонарей, похоже тоже была без сил. В накинута мной шинели, прижавшись и кажется уже начиная осваиваться со своим положением, она щебетала что-то о деньгах из кассы взаимопомощи, о своем молодом человеке, предстоящей свадьбе и еще о чем-то...

...Я уже опоздал куда только можно, и понимая что все произошедшее потребует объяснения и не только в училище, где наверняка на мне, как на опоздавшем из увольнения, уже поставили крест, вместе, как минимум с двумя... нет, с

пятью рядами вне очереди, думал что же предпринять.

Ни одной живой души не было видно, и я попросил ее зайти в любой дом и набрать номер скорой помощи, о милиции даже и не подумал. Девушка вспорхнула, но чуть отдалившись вернулась и забрав сумочку, чмокнула в щеку – ну вот, и эта исчезла. Пытаясь понять, что с детиной, лежавшем на асфальте, случайно наткнулся на свои выпавшие документы и рассыпавшиеся папиросы, закурил и вспомнил сначала о подаренных «Герцеговине Флор», а за тем и о настойчивых упрашиваниях ехать на такси и, особенно, о недоконченной фразе Ярославны о том, что эта поездка должна не жизнь упростить, а... а вот дальше, кажется она не договорила, хотя какая уже сейчас разница?! Да нет – от куда-то ведь она и, как показалось, даже они, что-то предвидели...

Ход мыслей прервали быстрые шаги, и вдалеке ревущий, на низких оборотах двигателем, УАЗик – ну вот и скорая. Отлично! Но повернувшись, увидел замахнувшуюся руку с дубинкой, от которого еле успел уйти двинувшись резко на встречу и перехватив кисть держащую средство атаки. Рванул на себя, продолжая движение руки появившегося противника, прокручиваясь вокруг оси своего тела, слегка приседая и переступая, запустил тело человека дальше его предполагаемой, им самим, траектории. Женский крик:

– Это не он!.. – Пролетающая мимо милицейская фуражка, плотно одетая на голову с озабоченным и удивленным лицом, подсказали, что во-первых это явно не врачи, а во-

вторых ситуация хоть как-то разрешается. Высыпающиеся из машины и подбегающие люди в форме, начали кто подымать пострадавшего ретивого служаку, кто мирно «спящего» грабителя, а кто-то с недоверием подходил ко мне, но видя передо мной оцетинившуюся ругательствами барышню – теперь она защищала меня, начинали улыбаться. В конце концов все объяснилось и мы нервно смеялись в ожидании «помдежа»⁹ по училищу со сменной формой и жениха пострадавшей, внешне совсем девочки с так и норовящим постоянно оголиться через прорез в шинели, как не поправляй, животиком.

Я дождался первым, и получив приглашение на свадьбу, на которую, впрочем, не попал – на завтра моя рота убывала в зимние лагеря, и вообще больше никогда не видел «воробушка».

Уже подъезжая к КПП училища, обратил внимание на открывающиеся двери такси, припаркованного рядом и выходящее из них все семейство Ии, во главе с ней. Положительно, удивлению этих выходных не будет конца, хотя все объяснилось просто. Дежурный офицер случайно зная у кого я провел эту ночь и понимая, что есть причина моему опозданию, прежде чем доложить о нем, обратился к знакомому Ильича, а тот далее. Есть правда одна маленькая деталь, осознать которую не просто – Ийка объяснила ее привычными для восприятия в этой семье необычными способностями

⁹ Помощник дежурного – назначается из младших офицеров.

ми матери, которая просто сказала своим домочадцам, что если я не поеду на такси, то может произойти непоправимое. Авторитет ее в этом отношении был непререкаем и вся семья, как одно целое решительно выполняло свой долг.

Когда моя девочка услышала от отца о моем затянувшемся опоздании, совместила это с тем, что видела из окна – меня помахававшего рукой и удаляющегося в сторону набережной, решила, что ей необходимо сейчас же во всем разобраться самой, а соответственно и всем присутствующим.

Вся заплаканная и всхлипывающая от моего внешнего вида, а переодеваться я не стал, и как есть стоял в порезанной шинели и с раздувающейся щекой, но вполне счастливый от нежданно появившейся возможности увидеть и обнять ее еще раз. Обхватив меня и сильно прижавшись, она повторяла:

– Негодяй, противный, зачем ты так со мной, я не смогу без тебя... – Оторвавшись, постучала своими кулачками по моей груди, и потребовала обещания, всегда возвращаться на такси. Получив ответ:

– Все что хочешь, ради твоих поцелуев летать научусь..., ну прости меня, малыш, я сам не свой, ну прости! А после сегодняшней ночи вообще чумной... Не передумала за муж выходить?... – Ее глаза обратились ко мне и обожгли лучшей признательностью и неудержимым чувством. Это были те самые глаза, в которых я всегда находил то, что искал, а находя, утопал даже не сопротивляясь, и с которых сейчас,

после поцелуя в носик аккуратно слизнул слезинки, что вызвало улыбку:

– Конечно... – И взяв меня за руку, продолжая тихонько всхлипывать, но уже скорее хлюпая от радости, подвела к родителям и констатировала:

– Вот, Леличка замуж предлагает... – И поцеловала мою руку в ранку на кисти, где запеклась кровь, увидев, которую вновь всхлипнула.

– А ты?... – В унисон, удивительно громко произнесли те, что даже вызвало любопытство к происходящему у дежурного офицера, уже сделавшего свое дело и лениво принимающего рапорт по всей форме от своего подчиненного.

– А я прямо щас хочу!.. – Неожиданно озадачила дочь перенервничавших отца и мать:

– Но сейчас, дочушка..., этоо..., уже почти ночь... – Все явно растерялись, но через секунду уже выбрасывали чрезмерное перенапряжение через гомерический хохот.

Кратенько было решено дожидаться лета, а сейчас организовать встречу родителей и наиболее частые встречи детей. Но первая от сегодняшнего дня состоялась лишь через три недели, по моем приезде из Луги, где ежедневные стрельбы, лыжные кроссы и другие приятности с проживанием в палатках с дровяными печами и земляным полом, продолжали вычеканивать из нас настоящих офицеров.

Продолжение микроподвига на набережной выразилось в короткой заметке в какой-то газете и ценным подарком пе-

ред строим в виде электробритвы с дарственной надписью – бесценной вещи того времени, вызвавшей зависть у половины взвода.

Гордости будущей супруги не было предела. Ярославна... , кстати, ей нравилось когда я ее так называл, но все же предпочитала «мама», старалась не хуже настоящей и уже начинала поговаривать о внуках, что было нам только на руку, ибо не нужно было искать или придумывать мотиваций для уединения в специально, только что, обставленной Ией своей спальни, которая, между прочем, последний раз претерпевала изменения в интерьере, когда она, совсем еще девочкой, пошла в первый класс.

«Папа» предсказал нам прекрасное будущее, но посоветовал не обращать на произошедшее внимание, что я и поспешил сделать.

Наш Вань-Вань-Чун, поначалу старался не любопытствовать, но потом его прорвало и он потребовал обрисовать в подробностях каждое движение и каждую мелочь в ощущениях, на что убил две тренировки, заставляя каждого повторить все, что тогда проделал я. Он был по доброму горд, и имел на это полное право, потому как в моих движениях полностью прослеживалась его школа, запомненная мышцами и примененная автоматически, не задумываясь.

При выпуске из училища я подарил ему эту бритву, так ни разу ей и не попользовавшись – отдавая ему дань его заслуг за участие в моем возмужании и становлении. Да и не

известно чем бы еще все тогда закончилось не будь у меня привитых им навыков. Одной безбашенности и смелости мало, что бы достигнуть цели, зато часто достаточно, чтобы или глупо выглядеть, или лишиться здоровья, а то и вообще все потерять.

* * *

Перекрытый на выходах курсантами, вагон обычной электрички нес нашу роту в сторону новых испытаний, которые для меня утяжелялись разлукой с человеком, ради которого я с сегодняшнего дня не курил и это самое меньшее, чем я мог доказать свое отношение (хотя разве нуждается подобный обоюдный всплеск в доказательствах), замешанное на чувстве, мощнее которого еще ни к кому не испытывал, а главное взаимном и как оказалось, неизменно сильном до самого конца.

Не доезжая двух остановок «Камень» – старший лейтенант Каменев, командир взвода в составе которого я проходил обучение, скомандовал:

– Третий взвод, «к вагону»... – Предупрежденные за пять минут о надвигающемся марш – броске, причем только для нашего взвода, остальные четыре насмешливо оставались на своих места, а особенно остроумные предлагали курево или свои лыжи – «гробы» с резиновыми креплениями, одевающиеся прямо на сапоги.

Убедив себя, что это к лучшему – как минимум легкие отчистятся, я как мог, добавлял шуму к топоту, выбегающих молодых людей в форме, обвешанных разной всячиной от подсумков под магазины с боеприпасами и противогазов, до самих АКМ и забитых разным всяким вещмешков. Надо было умудриться не застрять в проходах, неся еще торчащие в разные стороны лыжи и палки к ним.

Обещанной лыжни не оказалось, и время в пути растянулось более чем вдвое. Но удрученных и понурых не было, тем более, что не хотелось пасовать и отставать от «старлея», выполнявшего, еще старшиной, свой интернациональный долг и потерявшего на этой стезе не только здоровье, но и часть организма – «отстрелянную» почку.

Предполагалось прибыть к финальной точке к отбою, но навалившаяся беспросветная темнота заставила привал плавно перейти в обустройство лагеря, а заодно научила переносить и холод, и усталость, в пусть и небольшой но мороз: -15 градусов по Цельсию. Нарубив лапника и уложив его на место уже прогоревших, специально разожженных для этого кострищ, успевших не только немного растопить верхний слой земли, но и чуть прогреть и высушить его.

Завалившись на наброшенные поверх веток плащ-палатки, как можно ближе друг к другу, и ими же накрывшись, создавали почти герметический конверт. Оставшиеся три курсанта для несения караула – все таки лес, да и потом служба, набросали сверху достаточный для сохранения тепла слой

снега. Через пол часа все согрелись и сбившись гуртом, заснули, кроме нас, кто вызвался сам не спать ночью.

Расседоточившись по периметру и соорудив небольшие «гнезда» – углубление, все трое на фоне вымотанности, начали почти сразу бороться со сном, неугомным оказался только «Камень». Через каждые пол часа переходя к следующему, он поддерживая чем мог. К сожалению вестового с сообщением отправить возможности у него не было, рация не предполагалась, а мобильных телефонов не было совсем, поэтому он переживал: как отреагирует без предупреждения на задержку командование. На удивление все кончилось спокойно и без эксцессов, не считая зависти сокурсников.

Когда очередь дошла до меня, и он, откликнувшись на запрос пароля, заскочил в мою ячейку, то первый вопрос, который задал звучал совсем неожиданно:

– Ну что снайпер, как считаешь, удачную позицию выбрал для своей воинской специальности?... – Сон как рукой сняло:

– Никакую, товарищ старший лейтенант.

– Что собираешься делать?

– Менять... – А что еще можно было ответить? К тому же, один урок я уже получил и ночь пройдет не зря, а именно этого и добивался взводный, к тому же не давая нам замерзнуть или заснуть.

– Ну-ну, приступай, пол часа у тебя есть, если буду искать больше пяти минут, дам поспать 30... – И определив

границы и ориентиры истоптанным курсантами снегом вокруг лагеря, исчез в почти полной темноте, лишь слегка, на близком расстоянии, размешанной отражающейся от снега луной, спрятавшейся за облаками.

Ради такого дела я постарался и через час уже дрых, так и ненайденный, но проявившийся сам...

В пропавшем сне и смерть резвится...

Возбужденный предвкушением завтрашнего дня организм никак не желал подчиняться режиму, а вот подъем из-за этого переносить никто не станет. Пошел второй час штурбушению в выборе удобной позы на узкой армейской кровати, но все тщетно. Кажется и Виталька тоже не мог уснуть – всему виной суета сегодняшнего дня, прошедшая в переезде из зимнего лагеря Луги в Питерские казармы и все, этому сопутствующее до самого отбоя. В протяжении всего дня суетилась чехарда в составлении списка убывающих завтра в увольнение, который менялся как придется и как получится.

Прибегать к могуществу будущего тестя не хотелось, да и самому было бы неприятным это выделение среди ребят, с которыми прожито уже четверть взрослой жизни и перемолото всякого разного, о чем я и подразумевать, будучи еще школьником, даже не мог. Это были мои соратники, мои братья, единомышленники и уже часть моей жизни, которая казалось, никогда не сможет отделиться или забыться. Души наши так скрепились, а сердца спаялись, что любое, даже небольшое отклонение в настроение любого из нас чувствовалось за версту, а любое желание, бывало, определялось заранее. Были моменты, когда мы молчали целыми днями совершенно не нуждаясь в разговоре, понимая все по взглядам. Правда потом прорывало – мысли все же требовали выплес-

ка и обсуждения, но это особенная необходимость, скорее даже потребность проверить или найти постоянно блуждающую рядом истину.

Вот и сейчас, только почувствовав желание друга, я присел на кровати, ощутив во рту привкус желаемого табака:

– Ннн-да, неплохо бы сейчас парочку затяжек, но

... хочется сделать приятное Ийке, да и бегать тяжелее стал... – Пробурчал я себе под нос, размышляя вслух, и уже обращаясь к ворочающемуся, на стоящей через проход койке, Виталику:

– Ладно Витальсон, давай топай к писарю, пусть раскрывает свой волшебный шкафчик, может чайку сварганит – хоть с «таким» попьем... – Елисеев, уже на ходу, в одних труселях по колейно, обещающе кивал, таща за собой прицепившуюся к тапочку портянку – великое изобретение не известно кого, сохранившее бесчисленное количество здоровых ног от разных болячек и мозолей, правда с одним условием: умением их повязывать. Кусок болтающейся материи зацепился и за вторую ногу, что повлекло сначала грохот падающего тела, а затем гром разразившегося смеха – добрая половина роты словно специально еще бодрствовала, будто выжидая этого момента.

Мой друг был одним из первых по успеваемости, в прекрасной спортивной форме, очень ловким, сноровистым и сообразительным, а если подумать, то и почти без каких-либо отрицательных качеств – не то что бы идеал, но все же.

Мы не просто были сыновьями офицеров, но военных проходивших вместе службу в одном из отдаленных гарнизонов Союза, а потому знавших об этой службе много такого, что не бывавший в этих военных городках знать, а значит и быть готовым к специфической службе там, не мог. Нас многое связывало еще со школы, мы вместе посещали стрельбище с отцами и без, уничтожая нескончаемые боеприпасы, особенно когда в воинской части перед списанием возникал их переизбыток, вместе ходили в походы, вместе хулиганили, и одинаково за это отвечали.

Внешне, чуть выше среднего роста, с курчавящимися волосами, со всегда вьющейся челкой, тонкими чертами лица, быстро юркающими, очень живыми карими глазами и накрывавшими их густыми, почти сросшимися, бровями. Он не производил своим телосложением впечатления отменного спортсмена, скорее худощавый, с подробно прорисованными необъемными мышцами, натянутыми на тонкую казачью кость. Сутуловат, походкой подобен обезьяне-переростку, передвигающейся на задних конечностях. С каждым шагом немного пружинисто приседая, не поднимая головы, но уткнувшись взглядом под ноги, он умудрялся замечать больше крутящегося во все стороны.

Добавляли картину кисти рук, больше среднего размера, с увеличенными узелками-суставами и огромными чрезмерно выпуклыми, всегда чистыми, ногтями, и худые, с приемлемой кривизной, покрытые длинными густыми волосами, но-

ги. При этом почти впалая грудь была совершенно чиста от растительности, начинавшейся только от кадыка к вискам и носу. Эта лицевой волосяной покров имел одну особенность – необходимость бриться дважды в сутки, иначе, все что она очень быстро покрывала, принимало жуткий вид постриженной обувной щетки.

Сегодня Виталик побриться вечером не успел, потому мелькал по коридору казармы именно в таком, только что описанном виде, издали действительно напоминая примата в трусах, майке и тапочках.

Я уже подходил к каптерке, когда ощутил какую-то необычность повисшей тишины. Взглянув в проем двери, увидел застывшие лица и испуганные взгляды, направленные на какого-то не знакомого и со странным, серо-синего цвета, лицом человека, с глазами на выкате. Поначалу казалось, что он опирается о шкаф, но через секунду стало ясно – просто оседает и всем своим видом молит о помощи, но почему-то молча.

Странное дело – никто даже не шелохнулся, застыв, словно окаменевшие статуи, за момент до этого увидевшие голову Медузы Горгоны и воплотившие своим видом оживший ужас, по всей видимости еще не понимая сути надвигающейся беды.

Как странно порой бывает: человек видит и дает себе отчет в происходящем, мало того, четко знает, что нужно делать, умеет это, но... В данной ситуации то, что предпринял

я, смог бы сделать почти каждый, но не сделал.

Совершенно очевидным были приметы асфиксии¹⁰ и на-верняка из-за попадания инородного тела «не в то горло». В его взгляде еще мерцало сознание, хотя надежда висела все-го на одном волоске. Четко выделяя каждое слово и стараясь сконцентрировать силы парня почти криком, акцентировано пробасил:

– На счет «три» сильно выдыхай! Понял!.. – Он понял, хотя уже почти терял сознание, да и выдохнуть было почти не чем. Обхватив сзади, уже слабеющий организм в районе диафрагмы, насчет «три» я резко сжал грудную клетку, выбив тем самым часть оставшегося в легких воздуха, который с неожиданным для всех шумом и хрипом вырвался нару-жу, а затем с тем же звуком с жадностью, перемежающимся с кашлем и рвотой всасывался, изголодавшимся по воздуху, телом. Ощущая даже физически взгляды уважения, призна-ющих мое превосходство и чуть улыбаясь общей, до сих пор, растерянности, поинтересовался:

– А кто это?... – Оказалось каптенармус, которого все на-зывали «Адаптацией» за его способность моментально при-способливаться и изыскивать в любой ситуации лучший и наивыгоднейший для себя вариант.

За минуту до этого допивая чай с домашними плюшка-ми, смеясь очередной рассказываемой истории, он от нежиз-

¹⁰ Удушье, обусловленное кислородным голоданием и избытком углекисло-ты в крови и тканях.

данности открывающейся двери, свалился с качающего на двух ножках стула и как следствие, спонтанно сделал вдох, со всеми неприятными последствиями. Теперь проявляющиеся черты были узнаваемы, как в общем-то и повадки этого забавного персонажа. Весь в соплях, красный и икающий, он по прежнему сжимал в руках надкушенную плюшку, даже умирая блюдя свою собственность:

– Леха, ну..., ну теперь..., ну..., ик-ик, короче дверь для тебя всегда открыта..., ик..., ик..., че хочешь: портянки, сапоги... ик..., ты мне теперь брат!.. – Говорить ему было сложно, но нужно, правда, кое о чем произнесенном, он кажется уже начал жалеть, осознавая возможность убытка, а потому я, решив опередить, предложил, для начала напоить хотя бы нас с Виталькой чаем и поболтать, пока не накроет сон.

Его помощники засуетились и через пять минут развалившись на, свернутых в рулоны и уложенных в стопку, матрасах, мы с дружкой наслаждались крепким «байховым», причем не выпрошенным, а честно заработанным, чаем. Лести и заслуженным похвалам не было конца, но скоро разговор плавно перешел к более серьезной теме, «Адаптация», все не унимался и уже завалил нас в виде подарков разным, впрочем явно нужным, хламом:

– Лех, ну тее правда прет в спасении жизнью, видать на роду у тебя написано человечество спасать, как ты с такой прухой в армейку подался, здесь же убивать, а не спасать на-

до... – Все это смачно разбавляя матерцой и бурной ожившей жестикуляцией, Андрей, а именно так звали спасенного, уже по своему обыкновению старался хохмить.

Чуть отхлебнув, Виталька кратенько рассказал о спасенной мной еще в школе утонувшей и бывшей уже, на момент обнаружения, без сознания девочки. И все это несмотря на то, что сам я не умел тогда плавать. Дружный хохот вызвал факт получения двойки по математике на следующий день, причиной чему послужила испорченная водой тетрадка с домашним заданием, на которую случайно положили уже ожившего спасенного ребенка, хотя кажется я сам еще не совсем осознавал тогда своего поступка, но сделал это автоматически, как бы выполняя свой долг.

Одноклассники попытались объяснить и рассказать учительнице о случившемся, но преподаватель был неприступен:

– Ну вот ее спас, а себя не смог... – Хороший и справедливый человек, хотя часто поступала жестко, по всей видимости по-другому с нами было и нельзя. Военный городок, родителям часто не до нас, а у многих вообще одни отцы, а потому мальчишеские коллективы перепробовали многое из запретного, почти все курили, были знакомы с алкоголем, правда границ не переходили, исключение составляли моменты стычек компаний разных классов школы или с местным населением, что давало серьезную школу сплоченности и привычку не бросать в беде, а стоять до конца друг за друга.

Со временем все забылось и уже по окончании школы Валентина Васильевна, а она вела из-за нехватки преподавателей, и физкультуру, и русский язык, и литературу, отозвав меня в сторонку посетовала на невнимательность при письме, и риторически озвучила:

– Алексей, ну что с тобой делать, вроде бы не хулиган, отец – просто пример для подражания, ... ну как ты можешь так невнимательно писать, ведь вроде бы и грамматику знаешь – видно, а ... в общем содержание сочинения у тебя, как всегда великолепно, быть тебе писателем... Я тебе не как обычно за содержание «пять», а за грамотность «два» поставила, а «пять»/ «четыре» и общую – «пять», все таки выпускные экзамены. Очень прошу, оправдай мои надежды... – Я поблагодарил, удивившись такой милости, и конечно пообещал все на свете, не забыв предположить, что возьму женой отличницу, которая и будет делать ту часть работы, где необходимо применение знание грамматики, орфографии и лексики.

* * *

Вопрос необходимости лишения людей жизни поднялся как нельзя вовремя, и быстро завоевал интерес каждого из присутствующих. Немного подумав я постарался парировать:

– А что, неужели совмещать это невозможно – и спасти, и

убивать. Мы массу примеров знаем, где на, войне... да ладно, хорош..., и командиров спасали, и гражданское население, и специальные операции, и вообще! Андриух, помнишь, что «препод» по тактике сказал: «Зачастую наша жизнь будет зависеть, причем прямо пропорционально, от количества уничтоженных в боевом соприкосновении с противником солдат и офицеров противостоящего врага. И, конечно, от того, как мы это умеем делать экономично и эффективно» – короче..., чем больше ухлопал, тем живее остался!

– Тебе хорошо говорить, ты вон, чуть не с двух рук с Елисеевым палишь и даже попадаешь. Хотя, в наше то время, нам кажется только трупы собирать и уничтожать – кнопочку нажал и миллиард к Богу отправил – как бы только среди них не оказаться.

– Кто знает, может лучше и оказаться... – Виталька все это время молчал, и явно представлял себя то на моем месте, то на месте «Адаптации», и только выпив стакан чаю, отошел от впечатлений:

– Я вот посмотрел, как ты Андриух, чуть было не «крякну», и признаюсь – ну очень мне не хочется выглядеть, как ты только что... Вообще не вериться, что умру когда-нибудь!

– И мне!

– И мне!

– Ааага, только стоит появиться эпидемии..., как в прошлом году..., этого..., «поносного» гриппа,¹¹ так все учили-

¹¹ Существуют штаммы вируса гриппа, вызывающие сильную диарею, доводя-

ешь отсидеться..., хотяяя..., ты то можешь, со своим батком в Москве..., топай, топай, дай послушать... – Старались голос не повышать, но вычитанное и вспомненное наизусть, выстраивало странную картину, выглядевшую следующим образом: чего ни коснись, нужно либо погибать, либо «до последней капли крови». Старшина, и по возрасту старше нас всех, и прошедший Афган, и по большей части всегда молчавший, неожиданно заговорил:

– Когда идешь умирать, совсем не думаешь об этом, даже когда сратья в штаны начинаешь. Только боишься, перебарываешь и увлекаясь опять забываешься. А веру в свою неуязвимость теряешь, когда патроны на исходе, даже разрывы падающих выстрелов от гранатометов бахают сильнее. Одно могу сказать – в смерти красивого ничего нет, и все эти слова и мемориалы..., мать вашу..., просто каждый выбирая свою дорогу и обязан не только знать, но и понимать, чем она может закончиться..., хотя о последнем обычно..., пидоры..., предупреждают, но убедить забывают... – Авторитет этого человека был для нас непререкаем, особенно в этой области, многие задумавшись, вскоре разошлись.

Прежние же, кто начинал разговор, постепенно перешептываясь, пытались придти, хоть к чему-то. Я достал книгу Урланиса, недавно взятую в библиотеке «История военных потерь», привел несколько цифр, некоторые из которых поражали, но в основном говорили о том, что чем технологичнее вооружение армии, чем совершеннее техника и ресур-

сы государства материальные и людские, тем меньше нравственность в уничтожении друг друга и больше наносимый урон врагу..., хотя кто знает враг ли он, который соответственно тоже, дремать не собирается. А если еще представить что грядут военные конфликты, состоящие из точечных ударов и ковровых бомбометаний, где никакой избирательности и милосердия нет, то совсем грустно становится. Хотя наверное главное, чтобы свой народ убивать никто не начал...

– Окружить и уничтожить; расчленив и уничтожить каждую часть разьединенной группировки противника; заманить на минное поле; сконцентрированным огнем уничтожить головную машину, затем замыкающую, и после методично уничтожать живую силу и технику – куда не сунься, везде уничтожать!!!.. – Проснувшийся и припершийся большеголовый «Бах», отпил из предложенной кружки и с полуприщуром не привыкших к свету глаз попытался подытожить:

– А че вас, парни, не устраивает, жалость что ли проявляется к непримиримому врагу..., так пойду завтра к замполиту, он быстро нюни подотрет! А уставы, господа офицеры, кровью пишутся и призваны уменьшить ошибки и потери, приведя нашу доблестную... к победе... – Тут я уже не стерпел:

– Да неужели ты думаешь, что кровью они пишутся только у нас, или кровь наша особенная?!

– Ты че, Шерстобитов, забыл кто ты? Ты же комсомолец, а я коммунист! И мысль твоя совершенно правильная – кровь у нас особенная – русская...

– «Бах», ты часом не в замполиты собрался, или забыл сколько этой «особенной» поля поливали?... Мы вообще сейчас не о том... Ты вот, скажем, прямо сейчас умереть готов?... – Он застыл, как будто перестал слышать, набрал полную грудь воздуха, и выдохнул:

– С одной стороны..., вроде готов, а с другой..., блиин..., че-то пожить хочется, да мне кажется вот так неожиданно никто не готов..., правда коммунист всегда обязан быть готов..., а ты это к чему?

– Да к тому, что все сдохнем, рано или поздно, но в отличии от других, мы, друг мой, должны стать профессионалами умерщвления и умирания, причем и того, и другого в любую минуту и по приказу, а ты говоришь: не готов! Мы кажется все не понимаем, что обязаны уметь, к чему и должны готовиться!.. – Бах чесал отлежанную щеку, совершенно точно понимая о чем речь и именно поэтому ответа не имел, по одной причине: он был не просто не готов расстаться с жизнью, но даже вообще серьезно об этом никогда не задумывался.

Я же пришел, уже засыпая, к неутешительному выводу, что даже мы с Виталькой, знавшие не понаслышке от своих отцов, а они кое-где пороху понюхали и кое-что порассказали, да и жизнь в военных гарнизонах тоже кое-какое понятие

дает, подошли к поступлению в военное училище не совсем понимая смысл того, что это с самого первого шага есть САМОПОЖЕРТВОВАНИЕ, странным образом совмещенное с постепенно прививаемым умением и пониманием необходимости убийства, причем эти грани необходимого, зачастую, определяются не тобой, а командованием, ты же как хочешь жертвуя своими подчиненными, стараясь уменьшать потери, уничтожаешь других, якобы защищая третьих.

Зачастую понятие Родина пытаются сравнить с понятием тиран или небольшое общество, владеющее властью над остальными, а ведь даже церковь, говоря, что власть от Бога, подразумевая именно «власть», а не человека ею пользующегося, допускает борьбу с этим самым тираном и даже с оружием в руках, причем, начиная еще с периода феодальной раздробленности... И так – смерть...

Вопрос этот, а точнее эти вопросы, настолько захватили наше сознание, что почти все занятия следующей недели начинались с озвучивания их преподавателям, чем вводили далеко неглупых и опытных людей в некоторую растерянность. По всей видимости тема была признана важной и через месяц были прочитаны лекции, в том числе и каким-то заезжим московским ученым, вызвавшими, кстати, кроме интереса и бурную подготовку материальной части, как перед любой комиссией.

Так вот, все они говорили о имевшей место, и кое кому нравившейся, версии выживания человечества, по которой

полезно иногда оздоравливать прививками войн мир, о перенаселенности, приводили разные цифры, скажем населенности Европы в 12 веке всего тремя миллионами человек и так далее, а сегодня в сотни раз больше, чем нас совсем не удивили, ибо мы тоже подготовились.

Все эти слова имели целью, убедить в редкой возможности огромного количества жертв, но разумеется не за счет населения СССР, и не стараниями его, но империалистических стран, прямо таки нацеленных на уничтожение себе подобных, во что верилось и что давало свои плоды.

Добивали специально привезенные фильмы, оставляющие все что угодно, кроме понимания, как люди такое могут делать?

Постепенно осознание неизбежности смерти приходило, в конце концов нет ни одного писателя, который не упоминал бы о ней, нет ни одного человека, который в свое время с ней бы не сталкивался еще при жизни, я уже молчу о периодической печати с новостями из-за рубежа и некрологами. Добавляли перца всякого рода армейские учения с употреблением как холостых, так и боевых патронов, отмечались в лучшую стороны те лица и подразделения, которые подходили с осознанием и пониманием сохранения своих подчиненных и уничтожения чужих. Многие под час очень походило на настоящее, особенно убеждали взрывная волна и оглушающие ушные перепонки взрывы, мало того, обдающие жаром и грязью. Многие помогали уяснять и хлорпикриновые ка-

меры, где не очень подогнанный противогаз или отсоединенный шланг от его фильтра, напоминали, что человек смертен.

Даже если у тебя самого все было нормально, рядом обязательно находился разгильдяй надышавшийся газом и уже через минуту облевавшись, кашляя, совершенно без сил, со слезящимися глазами и вывороченными от распухания наизнанку веками и губами, лишний раз подтверждающий не защищенность нашего тела от, все более интенсивно придумываемых, средств уничтожения людей, пусть и противников.

Их относили в санчасть, хотя большинство все же не успевали хапнуть серьезной дозы, да и газ то так себе – ни одного смертельного случая.

Одновременно прививались чувства локтя, ответственность за принятие решения, от чего могла зависеть жизни многих, в том числе и твоя, и товарища. Постепенно отодвигалась та грань, которая и отличает человека не задумывающегося о смерти, не важно своей или чужой, понимающего и знающего о ней многое, а прежде всего то, что ты находишься зачастую в ее власти, с одной стороны избегая, а с другой пользуясь ей, как механизмом решения поставленных перед тобой задач, а может и спасения собственной шкуры.

Со временем многое стало привычным, особенно, когда начали превалировать специальные предметы в обучении, накапливающие знания и умения, а часто и представление

применения на практике освоенного материала, понимание близости смерти, и не удивительно, ведь второе, а может и первое имя любого оружия – смерть! А человек, который не только им владеет, как частной собственностью, но и свободно, и привычно, как своей рукой – перспективно несет ее: неприглядную, некрасивую и неизбежную.

Красивой, а точнее величественной, может быть только дорога к ней, если это самопожертвование или неравный бой, или поступок, который мы привыкли охарактеризовывать как подвиг. Подробнее и ближе каждый из нас сможет об этом узнать в свое время, тогда она, глядя прямо в глаза бесконечно пустыми глазницами и ответит на любой интересующий его вопрос, конечно, если у него будет время его задать, а у нее желание ответить...

Глава вторая

Новое

«Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом».

(1 Посл. Петра Гл.3. 3–4)

Свадьба, крещение, венчание

Предполагает ли молодой человек или, аналогично, молодая барышня, кардинальные изменения жизни при появившихся отношениях, толкающих их друг другу в объятия? Разумеется, я говорю о серьезных чувствах и о серьезном подходе к жизни, подвигающих к слиянию двух душ и объединению в один, и не важно, оформленный союз или нет. Конечно, «не важно» на тот период времени.

Войдя в новую семью своей любимой, и страстно желая стать главой своей, тем более, не имея к этому препятствий, я начал задумываться о вещах, прежде меня не касающихся и даже не волнующих. Будучи воспитан в определенных традициях понятия чести и собственного достоинства, я всегда ощущал свое предназначение именно как защитника всего справедливого, близкого и родного, считая, что имя Алексей с древне – греческого неспроста переводится как «защитник» (а точнее – защитник страждущих). Сформированные принципы соответствовали этому, но познакомившись с семьей Ии, мне стало казаться, что основа понимания моих прав и обязанностей в образующейся семье, как неотъемлемой части этого мира, не совсем верна – очень удобна, проста, надежна, но не соответствует чему-то высокому, подходя к которому перестаешь понимать или точнее различать, казалось бы, поначалу кажущимися четкими границы нрав-

ственности.

Оказалось, что все дело в базисе мировоззрения, так сказать, в отправной его точке. Моя такая же, как и у отца – жесткая и самоубийственная в принесении в жертву, чуть ли не всех ценностей на алтарь долга. И если я принял на себя какие-то обязательства, то разобьюсь в пух и прах, но сделаю что должен, не взирая на препятствия и опасности. Но это все общие слова, пока ты не начинаешь понимать, что отталкиваться в определении ценностей, а соответственно и жертвования ими, можно от двух начал, истинное из которых только одно: материальное или идеалистическое.

Я был далек от церкви и вообще не обладал не только пониманием, но и хоть какими-нибудь основами начатков веры, если честно, то вообще не интересовался этим, считая не только не нужным, но и лишним, а иногда даже смешным. Однако, далеко не все так на самом деле.

Нина Ярославна оказалась верующим человеком, но верующим по-настоящему, то есть не требуя доказательств существования Создателя, и проявлялось это более всего в незаметности и ненавязчивости православия. Ее воцерковленность становилась заметной лишь в вопросах жизненно важных, а такое событие, как соитие двух душ, было более чем принципиальным. Но и здесь она проявляла скорее не настойчивость, и даже не желание убедить нас в необходимости венчания, а просто просила пойти на встречу ее просьбе, с надеждой на будущее прозрение.

Вообще, глядя на нее, я не мог заметить в ее существовании никаких следов человека постоянно посещающего храм, и постоянно находившегося в бдении или молитве. Внешне совершенно светская и мирская, лишь как-то по-особому светящаяся изнутри, и выглядящая гораздо моложе своего возраста.

Несмотря на то, что посещение церкви в этот период истории страны, а тем более для военнослужащих, не приветствовалось, я согласился, к тому же этого очень желала и моя невеста. Мало того, было решено венчаться этим же летом, во время моего отпуска, а женитьбу перенести аж на год, совместив с торжеством выпуска из военного училища. Это удивило. Ведь обычно многим: и родителям, и самим девушкам важен был штампель в паспорте, но оказалось, что перед Богом это ничто, а вот блудное сожителство без венчания, страшный грех и страдают от него, прежде всего, детки, рождающиеся в нем.

Много удивительного услышал я во время подготовки к этому событию. Как-то Ийка, прижавшись, по обыкновению, к моему плечу сказала:

– Вот повенчаемся и уже никуда от тебя мне не деться!.. – Здесь мне вспомнилась фраза, сказанная сразу после подписания документа о заключении брака моего сослуживца с миловидной особой, сразу почувствовавшей в нем свою частную собственность и не сдерживающей своих эмоции в громогласном:

– Ну все, теперь мой! Мой, мой, мой – никуда не денешься!.. – Мне явно больше понравилось первое, причем каждый день приносил все новые и новые доказательства того, что взамен от меня никаких клятв не требуется, лишь попытка осознать насколько это серьезно для этих двух женщин, и того вполне достаточно...

* * *

Наступило лето, а с ним и обещанный момент, который должен был произойти в Рязани, от куда исходили корни моей возлюбленной по матери. Уже объезжая ее родственников, я нечаянно заметил опечаленные лица «Ярославны» и Ии, причина казалась, по их мнению, непреодолимой и заключалась в том, что я был не крещен, а как комсомолец и будущий офицер, вряд ли на это соглашусь.

Мужская половина нашего коллектива, на этом застолье, была представлена в том числе, и будущим тестем, и моим отцом, между прочем, махровыми коммунистами, причем в уже приличном подпитии. Ощущали мы себя непобедимой тройцей, и все, что могло встать у нас на пути, даже не имело право называться «препятствием».

К этому времени было выяснено много подробностей, соединяющих нашу крепкую дружину, от заочно знакомых друг с другом папашек через многих сослуживцев, командиров и так далее – все же род войск ВДВ не настолько огромен,

а места службы не столь многочисленны, до многих предпочтений, в которых нашлось достаточно общего. С третьего раза поняв суть и причину женской печали, было назначено:

– Еще по пеееййсят!.. – Что разумеется одобрено единогласно, принято на грудь стоя, после чего каждый из троих, в порядке старшинства произнес имя остальных двоих, дабы показать свою готовность к продолжению беседы, следующим образом:

– Леха!.. – Буквально одновременно я был удостоен чести, того, что и моему имени есть место в этом триумvirате:

– Аааццы! Готов на все, что не замарают честь мундира...

– Во, во... Поэтому сними, ииии..., вон..., отдай что бы повесили, а то мало ли чего... – Такое мог сказать только мой отец, совершенно незнающий моей расчетливости – не удивительно, это была чуть ли не первая наша совместная «проба сил». Справедливости ради надо заметить, выпивать вместе – не выпивали, а вот в состоянии «неподъемности» друг друга по разу видели, причем он меня еще в десятом классе (ну... всякое бывает). На что среагировал мудро. Увидев меня с лицом нездорового вида, поинтересовался, протягивая заботливо приготовленный коктейль, подействовавший действительно облегчающе:

– Выпивать что ль начал?

– Неее, просто не рассчитал.

– Научить что ль? Ведь стыдно перед товарищами.

– Неет, яя среди них последний, кто хоть что-то помнит.

– Другое дело, но знать тебе кое что надо.

– Угууу – неужели пить вредно... Это что ли?

– Если в меру – нет. Другое: не алкоголь должен управлять тобой, а ты им. Сможешь?... – Вообще то я не очень тогда понял эту фразу, к тому же эта детская бравада перед сверстниками иногда уже и после окончания училища, пропускала мимо контроля пару-тройку рюмок, да и какой контроль на редком отдыхе...

...Китель я конечно снял еще до этого, но наличие погон и на рубашке заставило, выполнить... и остаться за столом с голым торсом, благо за время учебы, принявшим, через постоянные тренировки очень приличную атлетическую форму. Оба старших офицера, пользуясь моим замешательством, потребовали наполнить свои рюмки и на моих, по всей видимости, с осуждающим взглядом, глазах, опрокинули «очередную», с привычной уже проверкой присутствия друг друга:

– Лева!

– Виктор!.. – С ударением на «О», потом перевели уже полупрозрачные глаза на меня, сглотнувшего густую слюну, и кто-то из них продолжил, с дополнениями и вставками другого. Женщины слушали, уже улыбаясь ребячеству мужчин и шепотом спрашивали у моей мамы, чем это обычно заканчивается, на что получили ответ в виде пожимания плечами и фразой:

щее на тарелках...

Двоюродная бабушка Ии, одинокая пожилая женщина, потерявшая в молодости мужа, и до сих пор хранившая ему преданность, очень верующая и добрая, не имевшая детей, несмотря на все испытания, выпавшие ей, с надеждой предложила стать именно ей моей крестной матерью, мало того, и помочь устроить все быстро... Послезавтра мы все вместе стояли у лестниц храма, оказавшегося в самом центре города, в ожидании не совсем понятного действия, но почему-то, все-таки, осознаваемого очень нужным и важным. Моя нервозность передавалась и отцам, женщины же были и так серьезные, и про себя, шевеля только губами, читали какие-то молитвы...

...Слов нет, настолько все было красиво, мурашки пробежали по всему телу, батюшка казался недосягаем в своем величии и одновременно преклонении не только пред Господом, которому служил беззаветно, но и перед теми, кого крестил, объяснив потом, что сразу по крещению крестимые чада чисты, яко дети малые, правда грешить начинают прямо по выходу из храма, но на то и воля Божия.

Солнце мягко ударило, как-то по своейски, не ослепив, а будто показав возможности света – всего лишь отблеска, того Великого, который и ангелы переносить не могут. По одну сторону от меня шел протоиерей Александр, проводивший службу, невозможно высокий – больше двух метров ростом, радушно улыбающийся, в белом подряснике, подхваченном

вязанным пояском. Аккуратная посеребренная годами, постом и трудами во славу Божию, борода, вторила длинным седым волосам, не совсем совмещавшимися с казавшимся не старым лицом, или точнее, будто не стареющим лицом, выглядевшим лет на сорок, но более всего впечатляли глаза, выделявшиеся фоном полупрозрачной кожи лица постоянно постившегося человека.

Глаза искрились добротой ко всему, что попадалось ему на пути, взор его не был горделивым или спорящим с другим, напротив, встречным взглядом он выражал покорность и какую-то глубину неизбежности, которой не в состоянии сопротивляться, и которой был рад. Лучающая искренность проникала до самой глубины совести и заставляла склонять свои глаза пред этим старцем. Другим он был в храме: голос мощен и глубок, все читаемое им, произносилось нараспев и казалось нескончаемым. Слова настолько густы, но бархатны, что слышалось будто это не его анатомические особенности голосовых связок производят изменения с выдыхаемым воздухом, но сам глас Божий попадает сразу в сознание, минуя всю физику живых и неживых тел – этому способствовала и акустика помещения, которое просто помещением язык не поворачивался называть. Все говорило о серьезности и настоящности Его Хозяина и о Его невидимом присутствии здесь...

... По другую руку, прихрамывая на правую ногу, сияя улыбкой спускалась бабушка Лидия, тоже иссушенная по-

стами и очень сдержанным образом жизни. Она только обрела сына, и теперь могла молиться за мою душу, так как стала самой ответственной за нее здесь, на земле. Она старалась, хоть и ненастойчиво, но точно донести до моего, как она говорила, пока спящего разума, смысл происходящего.

Два насупившихся полковника с полными «иконостасами»¹² на груди, вот уже как несколько часов парились под солнцем, совершенно не понимая почему их, при всей их заслуженности, не пустили внутрь собора. Оба начитанные, с далеко зашкаливающим уровнем своего интеллекта от усредненной нормы признанного в армии, но сбитые с нормального восприятия ко всему церковному, поняли только одну причину и посчитали ее достаточной, но все же обидной. Так звучали объяснения батюшки:

– Отцы мои, по уставу Матери Церкви на Таинстве Крещения могут присутствовать только крестные родители крещаемого. Ну поймите Вы, братья – это же одно из семи Таинств... – Мягкий голос священника звучал гораздо мощнее дуэта военных, но они не унимались:

– Да у нас допуски почти ко всем уровням секретности, да и не можем мы его во враждебный лагерь одного пустить, вдруг увлечется, товарищ, ну давайте хоть одного из нас... – Все было тщетно, баррикады неприступны, а потому при-

¹² Так в простонародье назывались ряды наградных планок, собранных, как правило в прямоугольник, обозначающих цветами ленточек ордена и медали, при их отсутствии, носимые таким образом в повседневной, непарадной жизни.

шлось господам офицерам ретироваться на время восвояси. При полном параде по кружке пива старые вояки позволить себе не могли – честь мундира не позволяла и мучились в сухомятку, под руку с женами, Ией и еще одной бабушкой – Вероникой. По всей видимости, взятые во «вражеское» кольцо, они были вынуждены выполнять любые условия, чем доставляли истинное удовольствие слабому полу, в данный момент, оказавшимся сильнейшим! Но нам ли, мужикам, быть в печали – всегда отыграемся. Тем более, что впереди заслуженный банкет...

Отче, по окончанию Таинства, подвел нас к отцам, и со словами:

– Ну что отцы – командиры, принимайте чистого со щитом Божиим и иии... Господь с Вами!.. – Улыбнувшись, собрался было уже уходить, как женская часть коллектива вцепилась, не желая отпустить, безапелляционно наступая с приглашением к застолью. Мужская же засопела, памятуя об ограниченном числе звенящей посуды, пока еще полной и, вообще-то, в принципе противостоянии со служителем церкви, с точки зрения членства в партии:

– Куда вы его к нам, ваш отче поди и чин офицерский в КГБ имеет, так ведь, отче?!?!.. – Совершенно не смутившись, и по всему видно уже привыкший к подобным выпадам, с каким-то сожалением и стыдом протоиерей произнес:

– Эх отцы, отцы, пред Господом я еще и не ефрейтор по вашему, а вот в войну до майора дотопал..., вот в ваших же

войсках, а опосля единственно где прижился, только в монастыре. Это после, оттаял..., там и..., ну в общем..., все сослуживцы на поле брани остались, а я вот здесь молюсь о душах их, только слаб и ничтожен..., да ничего, Господь милостью Своей не обошел – справимся... – И показывая на бабушку Лидию, добавил:

– С такими вот солдатами и до Райских Врат с Божьей помощью дотопать можно... – Совершенно ошарашенные услышанным, с открытыми ртами, стояли не только офицеры – десантники, но и их боевые подруги, по старому, шутивому «Табелю о рангах», имеющие на одно звание выше свои мужей. Прорвало всех одновременно и через пол часа, позволив батюшке соблюсти все подробности, его заносили, чуть ли не на руках в квартиру с накрытым столом и спящими вокруг него родственниками...

...Батюшка уже знал о предстоящем венчании и предложил свой храм для этой миссии, обещаясь и день занять только для нашей пары, хотя не так уж это и часто происходило.

Подбор дня венчания оказался делом нелегким – не в каждый можно получить Божье благословение на соединение пары в семью, мало того, услышанное в виде правил одного из «Домостроев», писанного еще при ранних Рюриковичах, какого именно батюшка запомнил, где говорилось, что венцы эти мученические и отвечать за них каждому пред Богом придется, но это там в Царстве Небесном, а здесь, от-

казаться от него, то есть изменить в блюде – значит убить! Правда озвучив, с хитринкой посмотрел на реакцию каждого из нас, молодоженов, и констатировал:

– Крепкая семья будет, и очень правильно что задумали сначала «под венец», а затем свадьбу играть – блюда избежите... – душеспасительное дело..., а чтобы и не было... этого самого..., впредь молиться за вас стану, хотя кажется..., а... все равно стану... – И перекрестив стол, прочитав молитву, осеня и себя крестным знамением, причмокнув губами, опрокинул «граненый», наполненный почти до краев. Раздавшийся у всех выдох изумления, от произведенного впечатления, заставил священника растолковать предпринятое:

– Вот так, братия и сестры..., вот так обстоит дело: или два стаканчика, и стоп, или держись – «сорвутся кони», и от матушки потом нагоняй получать. А ведь бесу..., ему что... – Перекрестившись и пошевелив губами:

– Спуску давать никак нельзя..., ни-ни..., что бы он тобой управлять не начал..., потому больше нельзя... Ааа меньше не получаается..., ха-ха-ха..., после старой контузии, все что меньше стакана – к головной боли. Так что норма – ровно два, за то и матушка не спросит.

– Отче, так ведь это ж целая бутылка!

– И то правда, гм... – кому бутылка, а кому чекушка здоровья, мне вот почти 80, а я еще ни разу до обморока не пивал, о как..., родные мои... – Обращение его было к проникшимся к нему уважением, полковникам, которые выпи-

ли меньше, но устойчивость теряли быстрее, уже третий час они ловили каждое его слово о пережитом прошлом и о переживаемом настоящем, но рассказываемое с точки зрения верующего, мало того, священника, хоть и с позиций мировоззрения сегодняшнего человека, но дважды остававшегося единственным живым: первый раз из взвода, второй из целой роты.

Он считал это Божиим Промыслом, но не имеющим ничего общего с понятием о везении мирском, называя это милостью Божией и даже даром какого-то испытания. Не потому, что жизнь его продлилась, а потому, что ему грешному, Господь дал возможность искупить свои грехи, хоть и тяжелым, порой и не подъемным служением Ему же, но дал... А тогда, в дни гибели его товарищей, Он вознес к Себе лучших, оставив именно его на отмаливание грехов своих и содеянного ушедшими в мир иной однополчанами, из быстро проваливающегося в забытие мира дальнего.

Воин же для него, как и для Бога, есть особый человек и не одного, из встретившихся у него на пути, он без молитвы не пропускает, вот и о нас всех молиться непременно будет. А что до нашего отношения к воцерковлению, так всему свое время, но не для всех – для избранных. Еще долго говорили, но больше слушали – необычайность услышанного, завораживала, а четкие акценты, удивительно вовремя расставляемые священником, многое водворяли все на свои места, с позиции которых, все материальное уже казалось не суще-

ственным, а многое сделанное в жизни – минимум странным и не нужным.

Но так казалось сейчас, завтрашнее утро покажет, что проповедь этого возвышенного, не только воззрениями, но поступками своей жизни, человека, взвалившего на себя далеко не всем понятный труд спасения душ, действовала сиюминутно, правда оставив, где то глубоко на сердце зарубки, которым суждено когда-то проявиться широкими и глубокими рубцами, на которых, как на вспаханной, а после ухоженной плодородной земле взойдут всходы, угодные Господу...

Ничего не бывает просто так, все имеет свои последствия, как и причины, но не в нами предполагаемое время, а для нас, с точки зрения Спасителя, наиболее подходящие...

Новый день начался как всегда, и стал лишь очередным среди нанизывающихся на спираль времени, в проторении каждым, как ему кажется, своей дороги. Моя привела меня через венчание на седьмой день после моих крестин, счастливейшим человеком, находящимся в состоянии прибывавшего в отпуске, но и здесь набравшего обороты к привычности военной жизни, молодого человека. Я был молод, счастлив, любил и был любим... – я был!..

* * *

Проходил последний год ношения курсантских погон, пролетевший незаметно, но бурно. Дел было масса, как и

эмоций, из которых основную часть дарила Ия, необычная женщина, необычный человек, словно спустившийся с небес, для какой-то непонятной пока миссии, ангел. Все было настолько хорошо, что я начал побаиваться каких-то перемен, которые смогут нас разлучить. Я от куда-то знал, что этого не случится не по моей, не по ее вине и, тем более, не по желанию кого либо из нас. Мы слились, как два ручейка, образовавшие собой реку, несущую свои спокойные воды, что бы когда-нибудь дать поначалу небольшое ответвление, возможно и не одно, но никогда не разъединяться, а просто испарившись в миг, подняться на те небеса, где больше ничто и никогда не сможет нас разлучить.

Венчание!.. Таинство – красивейшее и торжественнейшее из всех действий, проходившее в одном из старейших и больших по размеру храмов, древнего города Великой Руси, и оставило одно из самых мощных впечатлений в моей жизни. То, что пронизывало нас с Ией, осталось теплыми соединительными шовчиками на эфирных телах сросшихся навсегда душ. Мы стояли друг возле друга и нас некоторое время разъединял солнечный луч, словно целый столб, бьющий через одно из верхних окон, света. Касаясь друг друга кончиками пальцев, через которые, изредка пробегала искорка, но не тока, а какого-то приятного возбуждения – я и она, вместе мы вливались в нечто бесконечное.

Улыбки, но не от смеха, а от переполнявшего нас восторга, не сходили с наших лиц, особенно после появления над

нашими головами корон – венцов. Венчальные кольца при касании кожи на пальцах обжигали и думалось, что попадая на свое законное место, они привариваются на всегда, и как оказалось, снять их можно лишь распилив пополам, чего я никогда не хотел, и что выдавило в свое время из меня последние силы, которые правда вернулись, и вернулись, что бы ощутить на себе чудо, но это будет не завтра и не через год...

Столб же света, по началу разделяющий нас, в момент чтения какого-то важного псалма, неожиданно рассеявшись по полу храма, объял и захватил ее и меня, как уже нечто целое и неразделимое, не только освещая соединимое, но и согревая. Аминь.

Мне казалось, что одевая колечко, моя вторая половина светится, словно сама и есть этот самый свет, спускающийся с поднебесья куполов, освещая наш союз. Взглянув ей в глаза, я сгорел в их чистоте и утонул в глубине излучающейся умиротворенности и спокойной мудрости, тихо навевающей уверенность благополучия. На миг мне показалось, что в ее взгляде мелькнуло что-то, напоминающее мотив опасения, и именно за меня, но он исчез, став прежним.

Мне захотелось поднять ее на руки, крепко сжать, и заснуть, чтобы навсегда остаться здесь и сейчас... Затем мы взялись крепко за руки и прошли, как показалось целую вечность, уже не помню вокруг чего, а последующее растянулось в одну приятную мелодию, странно по тембру напоми-

нающую голос батюшки, поддержанный, стоящими на клиросе певчими, они тоже выглядели ангелами... , почему тоже – да потому, что еще один человек, совсем рядом со мной напоминал мне это существо. Напоминал? Но ведь я ни разу их не видел. И все равно он, Ангел, был рядом... , и это она... – во всем белом, парящим вблизи с человеком в военной форме, которого выбрала себе в попутчики до конца жизни... , до конца жизни... , до конца своей жизни...

...Пролетели двенадцать месяцев, предоставив нам возможность, которую ждут все курсанты – «Золотую неделю», когда надев уже офицерскую форму, но без кителей и фуражек, на целые семь дней оставив на плечах курсантские погоны, имеешь право щеголять в начищенных хромовых, шитых на заказ, сапогах с характерным форсовым скрипом, от которого, не только распирает, но и мурашки по спине пробегают.

В эти дни можно не опасаться вечно охотящихся патрулей, сегодня они первые «отдают воинское приветствие», обращая внимание лишь на вопиющие нарушения, но не делающие кроме замечаний более ничего. Это был период подготовки к двум главнейшим событиям в моей жизни: выпуску из Высшего Военного Учебного заведения, и конечно, свадьбы.

Последнее хоть и казалась действительно важным событием, но имевшаяся уверенность в, более чем, достаточности

венчания, которой я поделился с супругой, была поддержана полностью, но правила есть правила. Да и из-за отсутствия штемпелей в наших документах командование посматривало на уже почти лейтенанта несколько косовато.

Наша свадьба ничем не отличалась от таких же офицерских, где основными цветами были цвет морской волны от парадных кителей гостей, и белого, бликующего от платья, уже жены – Ии. Весь взвод был приглашен, и лейтенантские, шитые золотом парадные погоны, разбавлялись другими, более высшими чинами – сослуживцами отцов, сегодня гордившимися своими чадами и привычно руководившие и распорядившиеся.

Надо заметить, что офицерская свадьба, когда среди приглашенных мужского пола почти все носят военные мундиры, отличается особенным шиком и блеском. Молодая человеческая элита, с выправкой и гордостью носящая доверие целого народа, ощущающая свою избранность, где каждый хоть и многим похож на соседа, но все же индивидуален, закрепляет узы особого союза, в котором оба супруга отчетливо понимают предстоящие испытания и осознают свою роль выбранную сегодня. Это касается не только молодоженов, но всех, ибо у каждого для подобного Господом даровано свое мгновение.

Здесь все вместе порознь, но в едином кулаке, сжатом сильной дланью, мощь которой осознается внутренне и выплескивается эмоционально.

Такие дни не забываются, а такие события становятся ве-
хами безошибочных ориентиров в будущей не легкой судь-
бе офицерской семьи, и дай Бог каждой такой благополучия,
мира и радости, с пониманием, что придет день...

Никто не пытался послушаться, а потому все прошло как
по нотам, стройные ряды увенчанные аксельбантами сопро-
воджали нашу пару от ЗАГСа, и мы проходя мимо осыпа-
лись, с двух сторон под рев, как положено, дружного «Ура»,
красными лепестками роз и чем-то белым, с сопровождени-
ем до самой машины – такой же белоснежной «Чайки», как
и наряд невесты, непонятно, где взятой роскошной машины,
удивительно красиво украсившей кортеж...

Крикам «Ура» сопровождался и каждый тост, как соб-
ственно и следующие за ними требования поцелуев. Шут-
ливая попытка украсть невесту окончилась такой же шутли-
вой «кучей-малой», в которой каждый желал принять уча-
стие, «битва» затянулась, чем мы воспользовавшись, удрали
на 15 минут, уединившись в зашторенном советском лиму-
зине, где нас никто не догадался искать...

Вновь наше такое же внезапное появление было встречено
таким же внезапным «Виват» и очередным выстрелом шам-
панского с требованием наполнить башмачок невесты и ис-
полнить мою обязанность – испить из него «до дна-с»! Ра-
зумеется преподнесенное пришлось выкупать, а выкуплен-
ное осушить и вернуть с поцелуем ножки на место. На сле-
дующий день стелька на туфлях немного отошла, а водитель

«Чайки» потребовал доплаты за использование его автомобиля в качестве первого брачного ложа, за что получил требуемую сумму, и сверху еще червонец на лечение свернутой сразу после этого челюсти, за попытку оставить у себя подвязку от некоей забытой части туалета моей возлюбленной, из-за которой он и сделал этот, показавшийся ему удачным, вывод.

Ийка, сделала из этой кружевной вещицы, как память, украшение рамочки и вставила туда наиболее понравившуюся ей фотографий этого дня. Какую думаете? Конечно ту, на которой я стоя на одном колене одевая ей туфельку и целуя ее изящную, от середины бедра оголенную, в ажурном чулочке, ножку. Милое, и как все милое, дорогое – бесценное, как и все у любимой...

На том и можно было бы закончить повествование о счастливой паре, как принято во всех приличных сказках в стиле «по усам текло, да лишь по морде попало», или «жили долго и счастливо, а умереть забыли». Но..., так могло быть когда-то, если бы могло в принципе быть. Сия же история есть лишь предтеча того, вероятность чему минимальна до невероятности, но и «небываемое бывает».

Хлопоты

*Мы замечаем что несем свой Крест, лишь когда начинаем ощущать Его тяжесть.
(Из тюремного дневника автора)*

Приятные хлопоты с обустройством жилища – однокомнатной квартиры в Москве, обещанной нам родителями еще перед свадьбой, отнимали много времени, но воспринимались будто отдых. Принадлежавшая моему отцу с незапамятных времен, она все равно пылилась и считалась моим наследством. Как бы то ни было, пустующее, с голыми стенами, помещение постепенно приобретало вид, как называла ее Ия – семейной норки. Денег на мебель не было, а то немного, что смогли выделить честные служаки, хватило лишь на самое необходимое, остальное пришлось делать своими руками из трех старых, по случаю перепавших, шкафов. В результате квартира обрела небольшой кухонный гарнитурчик с «уголком», столиком и небольшим комодом, куда складывался положенный мне и выдававшийся раз в квартал добавочный паек, из которого нам особенно полюбились сосисочный и колбасный фарши. Тушенка, консервированные рыба и цыпленок, по всей видимости мои одногодки, тоже входили в основу нашего рациона пока супруга не поняла, что носит под сердцем нашего потомка.

В комнате, площадью 20 метров появился еще один ко-

мод, разделяющий спальное место от зоны приема гостей, и моя гордость – огромная кровать, собранная накрепко из остатков ДСП от шкафов, покрытая слоем солдатских матрацев и оббитая шинельным сукном. К жесткости привыкли быстро, к тому же ко всему родному и только твоему тянет, что и заставляет нравиться.

Покупка цветного телевизора «Тембр», как положено, через все хитросплетения присущие 1990 году, а так же подержанного холодильника, дополнили интерьер. Хотя нет, через полгода появилась старая, подаренная родителями Ии «стенка», куда перекочевали все блестяшки и стекляшки, хоть сколько-нибудь притягивающие взгляд.

Мои же расщедрились на разборную тахту, выдавшую виды еще моего младенчества. Конец определенного отрезка времени в правлении Горбачева моим командиром ознаменовался выбрасыванием портрета генсека в коридор, «спасенный» не столько моей добротой или преданностью этому первому и последнему советскому президенту, странным образом любимым только народом Германии, сколько давними поисками столешницы для журнального столика.

Изделие получилось на редкость изящным, хотя всетаки больше оригинальным и при этом практичным. Лакированная поверхность дорогого портрета, как нельзя лучше соответствовала праздничным настроениям семейных и дружеских собраний, так и желанию генсека – быть ближе к народу, буквально поддерживая своей отретушированной голо-

вой яства и напитки, благородно не касаясь их даже взглядом...

Стечением обстоятельств по распределению я попал в столицу, где базировалось подразделение. Но частые командировки не давали возможности почувствовать себя в полной мере «москвичом», пока по чьему-то ходатайству Ия наконец не устроилась работать в один из музеев. По профессии она была реставратором и очень обрадовалась появившейся возможности проявить себя соответственно своему профилю, да еще сразу заместителем начальника лаборатории в отделе реставрации. Правда в ее подчинении было всего три человека, которых кроме капания и восстановления древностей более ничего не интересовало, и уж тем более место, на которое попала моя супруга.

По возможности, я заезжал за ней, тем более, что путь домой по схеме метрополитена в район 5-ой Кожуховской улицы пролегал почти рядом. Дорога от станции метро «Автомобильная» до нашей «норки», проходила и мимо гаражей, и по симпатичному скверу, а так как я после известной истории в Петербурге, переживал по каждому поводу, и считал себя ответственным за каждый ее шаг, то препровождение по этому маршруту стал считать своей обязанностью... – очень, знаете ли, приятной обязанностью. Да и за целый день, проведенный на службе, что уже говорить о командировках, просто успевал соскучиться. Между прочим, было приятно осознавать, что человек, к которому ты так

спешишь, испытывает взаимные чувства, а по силе может и большие...

...Первая ночь, проведенная в, тогда еще, совершенно голых стенах пустой квартиры, когда и столом, и кроватью служили два матраца, положенные на старый толстый ковер, доставшийся моему деду Алексею в виде контрибуции вместе с мобильной фронтальной квартирой на колесном ходу от генерала германской армии. Сверху Ия, будто бы, небрежно набросила шелковые вишневые простыни – от куда-то взявшаяся редкость, что венчала подносом и двумя подсвечниками, то ли серебряными, то ли посеребренными, с зажженными свечами. Так выглядело начало нашей самостоятельности, отпразднованное бутылкой полусладкого Советского игристого шампанского, доставшегося по случаю.

Весь окружающий мир перестал для нас существовать. Лишь два человека, с еле прикрытыми, полуобнаженными телами, оттеняющимися пляшущими отблесками света, падающего от свечей, нарушали долго продлившееся одиночество этого помещения. Их тихий спокойный разговор, перемежающийся то нотками нежности, то поцелуями, то, пардон, учащенным дыханием, мог заинтересовать только их, и только одним из них вспоминался в течении еще многих лет, пока не перестало биться его сердце, а вместе с ним не пропала и память о единственной и неповторимой женщине всей его жизни.

Уже под утро они заснули глубоким, счастливым сном и

до самого пробуждения не переставали держать рука в руке, словно вверяя друг другу не только сердце, но и жизнь...

Какими бы не были наши планы и чем бы они не были прогарантированы, всегда найдется что-то, что эти самые планы нарушит. Мы не можем подобрать под себя устраивающие нас коллектив, общество, государство или остров, мы не властны над погодой и природой, так же как и над старостью, временем и самой жизнью. Конечно, что-то зависит и от самого человека, но что? Скажем, вы приходите в магазин и понимаете, что необходимый продукт насыщенный витаминами, минералами, белками, жирами и углеводами, так необходимый вашим жене и плоду, который она носит, приобрести не представляется возможным и причин тому масса. Какую предпочтете? Пожалуйте, в этом перечне и просто физическое отсутствие товара (по крайней мере для вас он только на витрине), и огромная очередь, в которой вы последний и нужное явно не достанется, потому что стало с недавних пор называться дефицитом, хоть и написано на пакете «Молоко». Предлагаемое же перекупщиками не доступно по причине отсутствия запрашиваемых сумм. Причиной может служить и негласная договоренность граждан отпустить, скажем лишь беременным женщинам и детям, на которых вы явно не похожи, хотя именно для них и хотели бы купить; а может быть и неприязнь к военной форме, о которой вы и не подозреваете. Какие-нибудь списки, талончики, хотя все необходимое можно достать – только плати.

Запихнув свою мужскую гордость под мышку, как и совесть уже туда припрятанную, что бы не видела и не слышала, прибегаешь к помощи родственников, высылающих всевозможную снедь с разных городов, кто что может, но все равно понимаешь, что придет момент, когда появится маленький человек, который своим появлением не только сделает тебя счастливым отцом, осветит твою жизнь и оправдает ее, но и поставит ряд вопросов, которые ты обязан будешь решить – ибо ты муж, отец и в конце концов, мужчина! Присмотревшись к тому, как эти проблемы решают другие, поймешь, что у каждого в этом свой путь и свои методы, аналогов которым у тебя быть не может.

Молодой, сильный, энергичный, но сейчас ни на что не способный. Денежное содержание мельчает, политическая обстановка не поддается анализу, да и какому анализу?! Все пытаются заняться каким-то бизнесом, сами не понимая что это такое, стараются что-то продать или поменять, при чем всё, о чем идет речь принадлежит кому угодно только не тем, кто ведет переговоры, рассчитывая на процент посредника.

В такой ситуации не радуют отличия и поощрения, как они должны радовать – ни очередное звание, ни награда, ни перспективы, потому что они не помещаются в канву содержания семьи и оправдания тебя самого, как ее главы! Лихорадящая армия пытается неумело лечиться, садясь то на «диету», то делая, как кажется, спасительное кровопускание, доводя ситуацию до гангрены, что вынуждает становиться её

инвалидом, с отсеченными конечностями. Этот умирающий организм перестает следить за порядком, чистоплотностью и гигиеной, небрежен во всем, что ему принадлежит, и как следствие, почти ничего не может.

В здоровом обществе не происходит революций и переворотов, как минимум из-за того, что они некому не нужны – люди умеют ценить стабильность. Можно рассуждать сколь угодно долго и предполагать все возможное и невозможное, но как правило теории всегда дальше от цели, чем практики.

В промежутке между командировками, обычно следовали дежурства. После очередного, утром включив телевизор, мы с удивлением обнаружили балет в записи. Прекрасная музыка Чайковского звучала зловеще и о чем-то предупреждающе. Империя давно начала разлагаться, но мог ли подумать Петр Ильич, в муках творчества рождающий «Танец маленьких лебедей», что наиболее из удавшихся его адажио, по началу завораживающее слушателя и зрителя, станет визитной карточкой в памяти его соотечественников некоего ГКЧП,¹³ обрамленного показываемыми балетными пачками, белыми венцами лебедей, и такого же цвета стоячими сексуальными юбочками – бардак, настоящий бардак, в отличие от самого балета! Хотя здесь возможно я преувеличиваю, потому как сам с неизменным удовольствием предаюсь льющимся нотам, и совсем ничего в них не понимая, просто влюблен

¹³ Государственная Комиссия по Чрезвычайному Положению.

в их звучание.

До этих ненормальных дней моя жизнь, может и не была идиллией и составляла не совсем ту картину, которая представлялась из под спуда курсантских погон чуть ли не раем, но была вполне счастливой и благополучной. Возможно те, ожидаемые проблемы, нависшие над каждым по-своему и озадачивали пока не имеющимся решением, но как и сами, они были лишь в предположении.

Однажды нам с Ийкой удалось заполучить по талону на распродажу всякого необходимого для детей. Ей выпал счастливый фант, коих было только два на полсотни человек, ко мне же сослуживцы просто отнесли с пониманием, и хоть перепродать все там добытое самим можно было втридорога, направили меня в Детский мир, где и проходило мероприятие.

Назанимав денег, мы по очереди вступили в непривычную схватку, и потратив все до копейки, через пару дней отдышавшись, с шутками и радостными криками, будто сами были детьми, и все приобретенное предназначалось именно нам, перебирали, раскладывали, прикидывали какие вещички и на какой возраст пойдут, только что сами на себя не примеряли!

Разумеется, я как мужчина взял на себя покупку коляски, велосипеда, зимних вещей и всяких приспособлений для готовки, сцеживания, хранения молока и пищевых добавок, порой даже не совсем понимая за что расплачиваюсь. Зава-

лена была вся квартира, что создавало атмосферу надежности и обеспеченности ребенка на ближайшие пару лет. Выходило, что заботиться нужно будет лишь о питании, о чем я уже начинал переговоры с бывшими сослуживцами, разбросанными распределением по всему Союзу. Всякие фрукты, орехи и какие-то местные продукты, произраставшие в далеких краях в избытке, были обеспечены, по крайней мере, на несколько месяцев. Успокоенные всеми этими приготовлениями, мы увлеклись сегодняшним днем и прочей болтовней о высоком...

...И я притворно злилась, когда я нарочито отзывался о каком-нибудь ею любимом персонаже из истории, и мы могли по долгу приводить примеры: я из жизни – она из глубокого прошлого, пытаюсь прийти к общему мнению в подходе к оценкам поступков людей. Оказывается это не так просто. Что бы понять хотя бы причины и мотивацию нужно знать не только эпоху, бытующие тогда нормы морали, законы официальные и чести, но и конечно привычки, менталитет, нравы и еще многое.

В принципе я был согласен со всем, кроме того, что можно придраться к нюансам, которые порой могут стать более важным определяющим направляющим, чем все остальные звенья, будь их хоть сотни. Но трудно удержать кажущуюся нить своих безапелляционных рассуждений не разорванной, когда логическая цепочка доказательств оппонента безукоризненна, а защита точки зрения мощна в независимости от

того, в какое место ее атакуют. Знаете ли, пытаться спорить со специалистом на его поле, будучи практически профаном, дело не благодарное, да и пожалуй не умное.

Она всегда находила подробности, которые оправдывали или, напротив, обвиняли те или иные поступки, выбор или деяния государственных деятелей, а то и просто знаменитых людей, оставивших заметный след в истории. Конечно о многом можно судить примерно, но границы этого «примерно» всегда определены и очень часто не оставляют никаких сомнений, для утверждения.

Последствием этих бесед, стала попытка не судить других, хотя это и трудно до безобразия, в которое попадает разум, чтобы попытаться противостоять уже укоренившемуся навыку, и редко получается удержаться в желаемой канве, а зачастую и просто, это приводит к взрывам, разумеется, когда все очевидно. Но нужно всегда помнить: как судите о других вы, так и вас судить будут.

* * *

Из-за известных «революционных» событий на службу явиться нужно было несколько позже, и воспользовавшись моментом я решил проводить свою половинку до работы. Всего лишь пару дней я не появлялся на людях в форме, и сегодня, идеально выглаженная и сидящая, как на памятник, что было предметом моей гордости, она вызывала у окру-

жающих какие-то иные, а не как обычно, чувства. Я никак не мог понять, что изменилось, но не искал причины – мне было на кого смотреть и о ком думать.

Чмокнув на последок в носик свое сокровище и дождавшись пока движение электрички метро разъединит нас визуально, я уткнулся в книгу, рассчитывая дочитать вчерашнюю, так и не ставшую мне известной, развязку очередного рассказа. Вагоны набирали скорость, шум накатывался на перепонки, люди плавно раскачивались в такт боковой качке – в общем все как всегда, за исключением какой-то нервозности, витавшей в атмосфере.

Позавчера я не придал значение услышанному с телеэкрана призыву будущего президента, вещавшего, как принято в России в такие моменты, с «броневика» (да не обидит это не чьих чувств) не доверять армии и еще, что-то подобное. Вполне понятное напряжение экстремального порыва, не совсем правильно подобранные слова для выражения своей мысли и так далее.

От куда мне было знать о нагнетенной, произнесенными необдуманно фразами и предыдущими событиями, перемене в отношениях друг к другу граждан, и как следствие расколу общества. Дежурный по воинской части не смог сообщить, о пока, устном приказе являться на службу в гражданской форме одежды, а в военную переодеваться уже на месте...

Содержание книги захватило и позволило заметить ост-

рых и недружелюбных взглядов, направленных в мою сторону. Через одну подходила моя станция и я заблаговременно решил подготовиться к выходу, что было опрометчиво – ибо это лишило меня безопасной зоны – опоры сзади в виде стены вагона. На свое обычное «извините, разрешите пройти» услышал: «Подождешь, сука!». Решив что послышалось, попытался пройти к двери и случайно боковым зрением заметил... нет, не злые взгляды и даже не уже начавшееся движение ко мне, а опускающуюся руку, с чем-то в ней зажатым, прямиком на голову офицера, стоявшего у следующей двери лицом к выходу.

Мой предупредительный окрик слился с интуитивной мыслью о возможности подобного и над моей головой, что заставило чуть присесть и подать корпус в сторону, одновременно резко подымая согнутую в локте руку над головой, что оказалось своевременным, но не настолько действенным как хотелось. Градом обрушившиеся удары, и хорошо что разом, так как мешали друг другу, сбили фуражку, оторвали все пуговицы, погоны и галстук, от наиболее опасного я отбивался локтями и книгой, пока еще не решаясь бить по-настоящему, ведь именно этих граждан я обещался защищать до последней капли крови. Но моя неуязвимость, заключающаяся в еще пока стоянии на ногах, начинала бесить нападавших, крики прекратились и избиение продолжалось молча, причем с обеих сторон.

В толпе появилось что-то сверкающее металлом и дело

приняло более серьезный оборот. Ни в коем случае нельзя падать – затопчут даже просто бабушки, я уже молчу про опасность женских каблучков и мужских ботинок.

Я стал бить ребром книги в лица, которые, как мне казалось, принадлежали нападающим несущим наибольшую опасность, но сил уже не осталось. Подумав: «Как хорошо, что нет рядом Ийки!!!» – я решил предпринять последний отчаянный рывок в этой бесноватой тишине шарканья, тяжелого дыхания и злобы, еще вчера просто не имеющей почвы для возгорания.

Кажется другой офицер уже упал и были видны периферийным зрением чьи-то прыжки, наверняка на нем – эта мерзость придала сил и ухватившись за верхние поручни, я рванул перебирая руками по ним в его сторону, одновременно отталкиваясь ногами обо что попало.

Взвившись над головами таким образом, по всей видимости, я потерялся для преследователей, но на время. Кто-то рывкнул: «Топчиии – упал!». Плюхнувшись сверху на двух молодцов особо ретиво старавшихся, как оказалось, над капитаном, мне хватило сил двинуть в кадык самому здоровому и толкнуть вслед ему того, что поменьше. Первый захрипел и закашлял, остальные отступили, вопросительно глядя на меня, по всей видимости принимая за гражданское лицо – ибо о форме напоминал лишь цвет разорванной рубашки: – Ты че, паря, это же «сапог»,¹⁴ они Родину предали! Вче-

¹⁴ Так иногда называли представителей сухопутной части армии, хотя в этом

ра нас танками давили!.. Отойди, а то и тебя... – Но договорить они не успели, оказывается электричка уже была на станции, двери резко раскрылись и... не зря на стеклах каждой из них есть надпись: «Не прислоняться». Человек, в которого я уперся спиной, потерял опору в виде дверей и как пробка, под давлением, вылетел на платформу, следом и я, за воротник потянув капитана.

Свалившись друг на друга и уже не в силах подняться, мы проводили взглядом отходивший поезд. Глубоко вдохнув и запрокинув голову я смотрел на потолок вестибюля станции, как на чистое, голубое небо, пока чьёто кряхтение не привело в себя:

– Мужики..., это..., не обессудьте..., это дайте вылезти..., я то к вам лично ничего... Я просто того... – этого вот... – Перевернувшись на бок и выпустив из-под себя кого-то, я попытался подняться, но не вышло – ноги дрожали, кисти рук не слушались, а кое-где распухли. Во рту песок и кровь, но все зубы на месте. Кто-то помог добраться до скамейки, кто-то вызвал администрацию и милицию, последняя, правда так и не явилась – видимо своих забот предостаточно. Чуть отдышавшись и растолкав второго, мы добрались до уборной, предоставленной дежурной по станции – не перестающей охать по этому поводу старушке, и привели себя в порядок. Оказывается кто-то из вагона, где все произошло, собрал наши вещи и вернувшись на обратной элек-

тричке привез нам.

Видно люди отчужденные от культуры и морали становятся разрушителями, но есть и те, которые способны в любом случае сопротивляться этому, оставаясь способными на личное мнение и поддержки в себе моральноэтических норм, до последнего оставаясь теми, кем пришли в этот мир. Кстати, мой изодранный китель, фуражку и даже книгу вернула пожилая, худенькая женщина. Смотря на нас с сожалением, она просила простить тех, от кого нам досталось, говоря, что уже на следующей станции, когда она все это подбирала, те что хотели нам отомстить, якобы за поруганную нами демократию, испытывали если не стыд, то угрызение совести под осуждающими взглядами большинства пассажиров, ведь почти никто тогда не знал доподлинно, что же все таки произошло в те дни у Белого дома, и почти все, за редким исключением, были взвинчены и растеряны. Возможно мы просто попали под горячую руку, а возможно... всё имеет свои причины.

Однозначно одно – армия перестала быть гарантией мира и спокойствия, а скоро и вовсе потеряла свою необходимость обществу, которое позволило сократить ее, буквально взрезая живую плоть, на половину!

Через некоторое время это забылось, но осталось ощущение неожиданности и неподготовленности к таким быстрым и диаметрально противоположным переменам. Как хорошо, что рядом в этот злополучный день не было Ии – в ее поло-

жении могло случиться непоправимое, а как более слабой, ей могло достаться сильнее многократно – человек слеп в своей ненависти, тем более в той, которую объяснить в последствии он не и в состоянии!

Многих трудов мне стоило привести себя в порядок таким образом, что бы супруга ничего не заметила, но тщетно. Такое впечатление, что она все знала уже в момент происходящего, и уже к обеду телефон дежурного разрывался. Пришлось объясняться, а после отпроситься у командира на один час, что бы показаться в доказательство своей почти целостности. Ух уж эти женские прозорливость и интуиция и еще что-то, что меня иногда даже настораживало, что перешло супруге по наследству от матери – какое-то видение и человека, и каких-то моментов его жизни. Эх, девочки мои, девочки мои, не тот мужик на пути вашем жизненном попался!!!

Свобода – ответственность

Сбивающиеся в один ком события, обрастающие, все новыми обещаниями верхов и полным не пониманием происходящего низами, попеременно с недовольством и недоверием, не прибавляли ни надежды, ни оптимизма, но не это делало выбранные устои в виде службы военной шаткими и сомнительными, а вообще отношение к офицерскому корпусу. Именно их, еще юношей, желающих стать офицерами, выбор, сделанный ими в молодые годы, сейчас признавался кем-то наверху ничтожным, не нужным и ошибочным.

Уже после, много позже, мне не хотелось и вспоминать тех разговоров, которые велись по началу в курительных комнатах, а после и вовсе открыто. Появились директивки о предложениях сокращения офицерских должностей, уменьшения их статуса, а чуть позже и статья увольнения, звучавшая примерно так: «По уходу в народное хозяйство».

Отец демобилизовался и начал искать себя на гражданке. Что-то получалось, но со скрипом и ненадолго. Тестя ждала та же участь, но у него была возможность остаться на кафедре – в его услугах нуждались.

На наших встречах втроем, по приезду Ильича из северной столицы, уже не было видно в глазах стареющих вояк, блеска от того служивого задора, но надежда на продолжение традиций в виде молодого, уже старшего лейтенанта, не

пропадала. Сила моего голоса стала для стариков мощнее, но лишь для них. Им не нравилось ни общество, в которое они попали, скорее из-за устоявшегося отношения из прежней жизни к этому обществу, не военному и не армейскому, ни отношения в нем к себе подобным, и тем более их положение, хотя последнее больше относилось к моему батю.

А может просто рушилось все, к чему они привыкли и главное – эти два, впитавшие пыль военных дорог и запах пороха, солдата, не могли спокойно смотреть на агонию армии – для них живого существа, с которым они срослись не только кожей и мышцами, но и нервами! Добавляло к этому и отношение основного числа граждан, теперь уже России. Эти солдаты были солдатами Империи, как они считали, равной которой не было, а стали пенсионерами какого-то незнакомого им государства, не только отпускающего из своего «тела» народы с территориями, часто никогда им не принадлежащими, но и просто раздающей исконно русские земли обильно политые кровью таких же, как мы солдат!

В общем, все как всегда – Россией опять пользовались как кому хотелось, причем за это ничего никому не было и по всей видимости не будет.

До поры до времени я оправдывал их надежды и по правде говоря, пока не видел для себя иной стези, пусть даже на сегодняшний день и такой. На очередном праздновании дня моего рождения почти все желали, в том числе, и терпения. Я то был согласен терпеть многое, в конце концов это моя

обязанность прописанная в присяге мною принятой, но так что бы это не перекладывалось на Ию и нашего будущего ребенка.

Тающее денежное содержание со всеми пайками, командировочными и им сопутствующим, усугублялось растущими инфляцией и многократным удорожанием цен на необходимое. Попытка устроить семейный бюджет работой на стороне имела последствия выговора, а после и предложение должности с понижением перспектив, с переходом в параллельную, хоть и мягко говоря более выгодную «структуру». На это пойти я не мог и единственный выход был в предоставленном выборе: либо получить в ближайшее время выговор в виде «неполное служебное несоответствие»,¹⁵ который перечеркивал весь возможный карьерный рост, либо самому написать рапорт об увольнении по новой статье.

В личном составе управления многое поменялось, плюс все вышеописанное и тот духовный дисбаланс, образовавшийся в душе, подвигли на откровенный разговор с командиром, который не хотел терять меня как подчиненного, но сам видел лишь один выход, а потому прямо из кабинета позвонил своему старому боевому товарищу и рекомендовал меня. Положив трубку на танкетту телефонного аппарата, крепко выругавшись, подписал рапорт, с настойчивой просьбой стараться не пропадать и на случай лучших времен дал слово офицера, что вспомнит обо мне. Так и вышло, но было

¹⁵ Следующая ступень взыскания – увольнение.

уже поздно... слишком поздно!..

Домашние восприняли это как уже не новость, тесть констатировал: «Давно пора, вообще не знаю как ты столько продержался!». Отец выпалил более лаконично:

«Они потеряли больше, еще попомнят!» – что было очень прозорливо, но на деле совсем неожиданно. Ильич предложил ехать с ним в Питер, да и Ийке может быть там будет выгоднее: больше знакомых, больше возможностей. Я был несколько другого мнения да и климат там, по сравнению с московским, ужасный, хотя со временем почему бы и нет, ведь и моих сослуживцев там не мало.

В любом случае следующий день был посвящен, еще службе (месяц пришлось рвать душу и себе и ребятам, половина из которых тоже в ближайший год так же уйдут в отставку – жаль коллектив, в нем не было ни лишних, ни фальшивых). Вечером же я отправился «наводить мосты» с другом командира, который с порога объявил, что не может раскрыть все карты, и для начала предложил попробовать «личку»¹⁶ с напарником, в семье одного его хорошего знакомого, а он пока поколдует с моим личным делом, может и найдет вариант оставить меня в армии, обмолвившись: «Нам такие люди в МО нужны!». Договорившись преступить к работе сразу на следующий день после полной отставки от службы, мы попрощались, оба удовлетворенные встречей.

Как только я покинул кабинет, боковая дверь приоткры-

¹⁶ Работа телохранителя.

лась и в нижнюю часть образовавшейся щели «выглянула» болтающаяся, коленом на колено положенная нога, хозяин которой произнес:

– Ну надо же, старый знакомый!.. – И чуть погода добавил:

– У нас на него отдельные планы – кажется то, что нужно.

Присмотрись иии... не дай Бог упустишь!.. Дааа..., и пусть пройдет переподготовку..., даже оплати ему, только пусть не воспримет это как ступени..., а вот куда... – После чего нога толкнула дверь и в образовавшемся проеме появился тот, которого я знал как «товарищ майор» или «покупатель»!!!..

Выстрел

«Но твой успех тебе же и погибель».
(Софокл «Идип – царь»)

Кто бы знал, что через пару лет, после выпуска из военного училища, сразу после демобилизации, я встречу «Камня» в одном из центров переподготовки, расположенного недалеко от Мытищ...

...Неожиданно, прощаясь командир вручил бумагу с надрезанным бумажным пакетом со сломанной сургучной печатью и еще не распечатанный конверт, чуть меньшего размера, с надписью: «Вскрыть лично». На бумаге значилось направление меня на неопределенное время в какую-то воинскую часть, расположенную где-то на Дальнем востоке. Я с удивлением посмотрел на него, не в силах произнести ни слова, ибо перестал понимать происходящее.

Вынув носовой платок, сняв фуражку, полковник протерев намокшую от пота внутреннюю сторону головного убора, прилегавшую к голове, отвернулся, по всей видимости, чтобы скрыть растерянность во взгляде, и с мешающим говорить першением в голосе, надрывно произнес:

– Знаешь, «старлей», я и сам не совсем понял, но вот..., вот это вот, прислали с фельдъегерем без объяснений... Хрен его знает, но без поездки туда тебе отставку не дадут.

Твари..., знаешь, ты по возрасту в сынки мне..., я же вижу что ты для армии рожден..., в общем полагаю, что поездка эта..., хрен его знает..., может тебе дать шанс..., к чему вот только?! Ну не «пиджак»¹⁷ – разберешься!.. Вообще я с таким первый раз сталкиваюсь – у других по-другому... как-то... давай, Алексей, не пропадай... Честь имею!..

Уже вернувшись домой я распечатал маленький конверт. Оказалось содержимое было только с указанием точного адреса, временем прибытия и перечнем вещей и обмундирования, с которыми я должен был появиться пред грозные очи непонятного начальства.

¹⁷ На военном сленге – офицер, получивший офицерское звание после окончания гражданского института, с военной кафедрой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.